

Алексей Л Ковалёв

В ДВОЁМ

Беседы вольные и невольные

Zal Productions
Washington
2018

Ковалёв А. Л.
Вдвоём
Zal Productions, 2018 – 76 стр.

ISBN : 978-1-5323-8728-9
Copyright © Alexey L Kovalev, 2018

ВДВОЁМ

Беседы вольные и невольные

Пролог

- Как я тебя — так ты взыскуешь
землю.

Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким Мой мир приемлешь ты?

- Приемлю...

М. Волошин. «Левиафан».

Надо было выбрать имя. И у него оказалось несколько, потому что ни одно из них не охватывало всех его предполагаемых свойств, а существование его ни у кого не вызывало сомнений, по крайней мере – его роль в сотворении мира, в котором человек себя обнаружил. Создатель, Творец — таковы были некоторые имена. Несомненным казалось его могущество, а, стало быть, власть. И его называли Господин, Господь. Самым же распространённым стало собирательное имя Бог, допускающее множество толкований, но в истоке своём означающее изобилие, благо и способность им наделять.

Общим для всех этих имён была персонификация, которая придавала ему образ некоего существа, превосходящего своими возможностями все мыслимые пределы, но всё же обладающего свойствами индивидуальности. К этому понуждал и язык, с его мужским личным местоимением. Редкие попытки избавиться от персонификации с помощью среднего рода не помогли, так как этот род вызывал ощущение размытости и, вместе с тем был привязан к предметам пассивным, безжизненным, никак не соответствующим его величию.

Встретиться с ним, однако, никому не удавалось. А те, кто утверждал, что он им являлся, всегда прибегали в своих описаниях к образам знакомым и не оспаривали, что это был не он сам в своём истинном естестве, а его воплощения, то есть, в некотором смысле – обман зрения, уступка людскому несовершенству.

Но постепенно, по мере развития и усложнения работы разума, это представление о мужском – или, для особо широких умов, женском – Боге стало помехой, сдерживало воображение. Слишком оно было человеческим, перестало соответствовать накопившимся сведениям о мироздании.

И, смирившись с тем, что вновь открытые явления не поддавались простому определению, человек вынужден был допустить, что за всеми этими явлениями должно стоять столь же неназываемое, неопределимое нечто, скорее Сущность,

чем Существо – вероятно как раз и соответствующая тому, что прежде принято было именовать Творцом.

Однако, и это Нечто нужно было как-то вводить в язык, чтобы продолжать его осмысление. И возникло ещё несколько имён: Бытие, Вселенское Сознание, Жизнь, Мировой Разум... Последнее всё ещё содержало намёк на персонализацию, но само понятие «разума» было, конечно гораздо более отвлечённым и позволяло избавиться от тени личного характера.

Такое интеллектуальное освобождение привело к созданию многих новых теорий мироздания, его возникновения и развития.

Одна из них и послужит целям этого повествования.

Вечный и безбрежный Мировой Разум, ведомый столь же вечным этическим требованием добра, начал некогда в постоянных размышлениях формировать в своём сознании упорядоченный, интересным и элегантным способом по законам природы устроенный мир, который наряду с неживой материей включал живую и в том числе — загадочное существо, неразрывно с природой связанное, но сохранявшее возможность непосредственной связи и с самим Высшим Разумом. Предполагаемая связь с природой, обрекала человека на своеобразную судьбу, ограничивающую время существования его отдельных особей и тем самым приносящая в его жизнь множество страданий. Единственно возможным оправданием этой жестокости могла быть лишь сама необходимость участия такого существа в функционировании подобного мира. Без него мир в целом лишился бы глубины и не оправдывал этическую необходимость.

Но та же необходимость требовала согласия самого, пока гипотетического человека на участие в такого рода творчестве. Иначе его появление в мире, неожиданное и необъяснимое для него, носило бы характер насилия и привело бы к неизбежному протесту.

Такое соглашение было достигнуто.

Ещё не существовало форм, образовавших впоследствии вселенную, но в процесс обдумывания была вовлечена выделенная Вечным Разумом внутри самого себя самостоятельная сущность, которой предстояло, в случае её согласия, облечься в форму человека.

Тут ещё не шла речь ни об образе, ни о подобии. Это был тот же Высший Разум, ведущий беседу-размышление с самим собой.

Такой прототип человека — в некоторых религиях его называли Адам Кадмон, что, собственно, и означает в переводе «Человек Первоначальный» — не мог ещё непосредственно переживать все особенности своей будущей судьбы, но его представление о них было столь же абсолютным, как и представление Высшего Разума. Более полного и не могло существовать, пока не был создан мир, в котором человеку предстояло жить и испытывать эти особенности на самом себе.

Образ и подобие, в которые этот прототип мог воплотиться, предоставляли ему, в некотором смысле даже больше возможностей, чем имелось у самого Высшего Разума. В пределах его будущего мира у него оставался творческий дар, сознание его не прерывало связи с сознанием Высшего Разума, но прибавлялся опыт непосредственных переживаний, обогащающий сознание и создающий новый необъятный источник творческой энергии. Хотя всё это принадлежало ему временно — таковы по необходимости были законы этого интересного и элегантного мира.

И человек дал на это своё согласие.

Мы все дали это согласие в той мере, в какой готовы считать себя людьми.

Для тех, кто всё ещё придерживается идеи первородного греха, это не должно выглядеть странным. Как не кажется им странным, что все мы от рождения разделяем вину за этот предполагаемый грех.

На самом же деле грехом — правильнее было бы сказать погрешностью, ошибкой, промахом (в оригинальных текстах этот термин и обозначает попадание в цель, но не в самое «яблочко» и лишён моральной окраски слова «грех», которую добавили ему более поздние догматические толкования), — оказался сущий обвал знаний, обрушившийся на человека, как только он вступил в мир форм, в воплощённое мироздание. Предполагали ли Высший Разум и его внутренний собеседник такую возможность? Предполагали, но в их беседе она могла выглядеть лишь как общая идея, лишённая своей сокрушительной тяжести. Этот риск тоже был в какой-то степени оправданным, поскольку подавляющая сила знания не была непреодолимой. Последнее слово в этом противостоянии оставалось за человеком.

А вслед за тем началась судьба уже настоящего, живого человека, первой и всё ещё продолжающейся драмой которого стало стремительное расширение и развитие сферы его знаний, заслонившее на время непрямую и не совсем буквальную его связь с Высшим Разумом. Богатство и сложность мироздания, которые ему это знание открывало, приводили его иногда к мысли о том, что кроме самого мироздания ничего и не существует. А способность это мироздание постигать и успехи, сопровождавшие такую способность и обеспечивавшие ему всё более удобное и приятное существование, значительно укрепляли уверенность в своих силах и рождали мысль о собственном значении, как единственного хозяина и управителя вселенной.

И всё же, в этом победоносном шествии его не покидала догадка, что мироздание было некогда кем-то создано. Смутная догадка, не поддававшаяся определению его разумом, даже развитым и переполненным знаниями. К этой мысли, однако, легко было привязать те бесчисленные неприятности, которые упорно сопровождали благополучную во всех остальных отношениях жизнь. Мир

оставался несовершенным, в нём настойчиво напоминали о себе необъяснимые страдания и неизбежная смерть. Явился соблазн предположить, что мир, собственно, создан был несовершенным, и предъявить претензии его Создателю.

Этому посвящён древний миф об Иове.

Отложив на минуту художественные подробности этого мифа — но не забывая, что в них-то как раз и содержится самая его суть, — мы вправе счесть, что это был второй прямой разговор человека с Высшим Разумом.

Обстоятельства беседы глубочайшим образом изменились. Человек, в полной мере испытав уникальные особенности бытия в воплощённом мире, значительно укрепил свои права самостоятельного суждения. Но и сам мир был наконец создан, как бы легкомысленно ни оценивал его удручённый мукой и требующий объяснений человек.

И Создателю (в те времена именно это имя пользовалось популярностью) пришлось основательно встряхнуть своё капризничавшее создание, протереть ему глаза, напомнить о грандиозности замысла и о его, человека, собственном согласии этот замысел осуществлять.

А то, что взбучку эту Создатель предпринял средствами могучих художественных образов, было намёком на то, что не следует так уж полагаться на пресловутые знания, что не ими определяется и утверждается последняя суть мироздания.

Человек устыдился своей забывчивости и слабости и ещё раз подтвердил верность изначальному соглашению.

С тех пор у обеих сторон не было причин возвращаться к диалогу...

I

«...Иов, небеса
ни в чем не упрекающий, а просто
сливающийся с ночью на живот
и смерть...».

И. Бродский. «Из школьной антологии»

- Ты почему молчишь?

- Не знаю, так получилось. Говорят, правда, что тишина — лучший способ вступить с тобой в отношения. Но на это я не рассчитывал. Просто нечего сказать.

- Тишина — тишине рознь. Твоё молчание отчасти похоже на пассивный протест. Вроде голодовки.

- Да что ты? Это уж много чести мне будет. Нет, я правду сказал — ни жалоб, не призывов. А тебе нужно поговорить?

- ...

- Словами?

- Как сумеем.

- Знаю ли я, с кем говорю?

- Знаешь. Я тоже знаю.

- А о чём речь пойдёт?

- О молчании.

- Право, не вижу, что тут особенного. Прежде говорил, да. Не так уж много, но — сколько сумел. Иногда хотелось получить что-то в ответ. Не от людей, они как раз отвечали время от времени. Наивное желание, оно прошло. Цену своим жалким попыткам я знаю. Но было много других — очень много, сумевших сказать гораздо больше и неизмеримо сильнее, чем доступно мне. Вот они безусловно заслуживали какой-то возвратной волны. И этот ответный шаг должен

был бы стать явным для всех нас. А я вместо него наблюдаю какое-то рассеяние, убывание созидательной энергии и не понимаю, ты ли от нас отвлёкся, мы ли окончательно от тебя отключились — что трудно себе вообразить при могуществе твоём. Но о них — тех, прежних — я скорблю. Хотя и сознаю, что у безответности твоей могли быть причины. А голодовка... Я тут дня два назад окончательно раскис и разгневался, попробовал выложить тебе недоумение своё. Вот это можно было бы ещё счесть за попытку протеста. Но, видно, сил для настоящего гнева у меня не хватило, и вопли мои не дошли. Ребячество всё это. Вспомни сам — когда в последний раз ты отзывался на наши скорбные вопрошания? Конечно, в безвременьи твоём эти тысячелетия ничего не значат, но нам-то отпущено всего-ничего, мы вынуждены считать. Так что... Да тебе ведь всё это известно. Я всё ещё не понимаю, о чём ты спрашиваешь.

- Мне известно. Но кое-что в этом известном требует особого размышления. У тебя промелькнуло что-то о причинах, по которым вы, якобы, не получаете встречного внимания от меня. Что, по-твоему, это могли бы быть за причины?

- Нет, ты извини. Мы притворяемся, что беседуем на человеческом языке. Но поверь, во мне достаточно страха божьего, этого восторга перед величием и необъятностью творения — всех Бегемотов, всех Левиафанов и ликования утренних звёзд. Я не могу своим скудным умом описывать твои возможные и немислимые обстоятельства.

- Тогда они и мне останутся не вполне ясны.

- Как же неясны? Они уж действуют не одно поколение подряд.

- Тут, возможно, какой-то разрыв, пропуск. Не доверяйся слову, если это тебя смущает. Попробуй иной какой-нибудь способ — пример, намёк.

- Мифическое что-нибудь?

- Давай мифическое.

- Есть такая притча, что мы у тебя не одни. Возможно, тебе мыслятся одновременно самые разные варианты вселенных — похуже, получше. Какие-то из них могут не оправдать ожиданий, не справиться с собой, так сказать, и — угасают. «По образу» они получились, а по «подобию» — не вытягивают. И, поскольку прямому и самостоятельному твоему исправлению они уже не подлежат, остаётся предоставить их самим себе. Вот, может быть, это как раз наш

случай. Жаль, что столько усилий было истрачено, столько прекрасного создано во славу творения. И, вроде бы, всё это творчество само по себе ценно и способно за себя постоять — во всяком случае, никто из этих тружеников не сетовал, как я понимаю. Но что ответом на их преданное служение становится общее увядание, это как-то неожиданно.

- Это за них ты заступаешься?

- Они бы мне не позволили. Кто я такой? Так что, как ты справедливо заметил, я помалкиваю. Если ты удосужился обратить на это внимание, у тебя, может быть, и на это есть причины. Я тут не при чём.

- А что, увядание так очевидно?

- Ты серьёзно?

- Я хочу сказать, если всё ещё оставаться в мифических пределах — те десять содомских праведников, их разве уже нет?

- Как тебе сказать... Есть. Вообще-то, если ты помнишь, десятка и там не набралось. А сейчас много появилось. Но они, кажется, хлопочут теперь, в основном, о себе. Им удаётся как-то выкрутиться, ускользнуть от общей судьбы. В лучшем случае, они помогают остальным следовать за собой. Может быть, тоже уловили нечто и как будто воплощают твои намерения махнуть на этот проект рукой. Я не хочу сказать, что именно таковы твои намерения. Я их знать не могу. Думаю, что и они не могут. И так, впрямую, они этого не проповедуют, но последователи их готовы за такую идею ухватиться. Надо сказать, что все они очень искренни и убедительны, но ищут, скорее, утешения, чем воодушевления. Прежней созидательной мощи и красоты в их подвижничестве не чувствуется....

- ...

- Я не утверждаю, что дела обстоят именно так, как я описал. Ты спросил, какие причины твоего безразличия могут прийти человеку в голову, и я изобразил одну из них. Возможно, есть и другие, и не одна. Но этой мне хватило.

- Странно... Я — о праведниках. Мне представляется, что они полезным делом занялись. Они ведь стараются обратить ваше внимание на опасную зависимость от рассудка, который так сильно развился, что приобрёл уже некую излишнюю самостоятельность — много на себя берет, мешает вам осознать, кем

вы на самом деле являетесь — и пробуют обратно вас «подключить», пользуясь твоим выражением. Может быть, они чрезмерный упор на этом делают, но отнюдь не хотят, как ты говоришь «ускользнуть». Освободитесь от этого помрачения, испытайте внутреннюю свободу, а там узнаете, как вам дальше быть — это ведь они предлагают?

- Так они говорят, да... Конечно, это тот самый, необходимый первый шаг, прыжок веры, так называемый... Вот что меня смущает: они ведь не первые, кто к такому призывает. И началось это в незапамятные времена. Но каждый, тем или иным образом обретший эту внутреннюю свободу — как бы узнавший, «как дальше быть», начинает учить всё тому же первому шагу. А мы, тем временем... Я не могу избавиться от впечатления, что в этот благословенный момент все они утрачивают подлинный интерес к нашему бренному миру. И тогда получается, что это всё-таки шаг в сторону. Своего рода побег. Бегут они к тебе, к свету. Но, в некотором смысле и от тебя, поскольку — не для того же ты создал этот мир, чтобы мы в итоге его отринули. Или для того?

- ...

- Или для того, чтобы довести его до совершенства?

- По-твоему получается, что есть ещё какой-то способ.

- Не знаю. Должен быть.

- А кто о нём может знать?

- Ты знаешь всё.

- ...

- Вот в этом всё и дело. Я молчу «ни о чём». А есть ли тебе о чём молчать — смотри сам.

II

- Каковы, по-твоему, смысл и значение второстепенных произведений в Национальной галлерее? Я говорю не о посредственных картинах, а о настоящем творчестве, лишь не достигающем уровня шедевра.

- Может быть, стоит говорить не о самих картинах, а об их авторах? Поскольку, от картины чего же ещё ждать — от неё ничего уж не зависит.

- Пожалуй. Хотя согласишься, что жизнь полотна продолжается в его отношениях со зрителем, и результаты таких отношений непредсказуемы.

- Если я правильно понимаю, ты берёшь собрание картин, как некий символ мироздания, со всем его возможным спектром миров — от более совершенных до едва заслуживающих существования. Прекрасный образ. И я вчуже готов отдать должное его величию. Но кто этот зритель? Кто способен заглянуть в эту галерею, кроме тебя? И кто, во имя её полноты и совершенства, оценивает по достоинству эти второстепенные полотна? Их второстепенность, кстати, ты уже окончательно определил. Какая-то глухая метафора... Мне-то самому, в рамках одной из таких картин даже с соседними шедеврами не дано вступать во взаимоотношения. Где тут живое бытие, хотя бы в символическом смысле? Твоего человека никак не может устроить роль мёртвого сапфира в богатой ювелирной лавке. Это не подобие. И даже не образ. Или я ошибаюсь?

- А Галатее?

- Ты как будто смешиваешь разные перспективы... Или это у меня не хватает сил удержаться на твоих высотах, и я воображаю тебя каким-то софистом... При чем тут Галатее? С точки зрения твоей музейной метафоры, в статуе было неизмеримо больше ценности, чем в ожившей девочке, которая доставила радость одному скульптору. Из галереи она тут же сбежала, ей там делать нечего. Кроме того, это означает, что у автора — а это ведь всё-таки ты, наверно — возникли какие-то новые, сверх-эстетические идеи. Но если ты берёшься мёртвый шедевр превратить в живую тварь, нам этот символ картинной галереи придётся покинуть. Тогда — о каком новом заповеднике мы говорим? Само по себе это очень увлекательно. Но Пигмалион и Галатее — это другой миф и как раз второстепенный, не исходный — не о творчестве, а о любви. Нет, этот визит как-то не заладился... Может, вернёшься в себя, отвлечёшься? И я прервусь, если ты не против, а то тут «тьма широт, где нет ворот»¹. Слышал о таком?

- Слышал...

III

- Дай мне начать в этот раз.

- Начни. Хорошо бы нам не топтаться на месте. Я, может быть, уже сообразил, куда дальше двигаться.

- Наверняка. Мне бы только поспевать за тобой, но я вспомнил, что мы незаметно проскочили один пункт. Насчёт всех твоих вариантов. Раз ты Нициональную галерею предложил, это правда, стало быть? Что мы не единственные в твоём бесконечном воображении?

- Боюсь, что иначе и быть не может.

- Так, так... Не забыть бы мне ещё один вопрос в этой связи. Но ладно, потом.

- Мне хотелось бы уточнить, как ты себе представляешь моё возможное участие в ваших играх.

- Очень смутно. Надеюсь только, что тебе не должно быть безразлично, как твоё творение то оживает, то погружается в полный мрак, а в целом утрачивает по пути какую бы то ни было перспективу. И есть ещё одно подозрение: что мы исчерпали твои потребности в чувственных переживаниях. Все радости бытия, и мучения наши как будто просто повторяются, хотя и во всё больших и больших размерах. Новых качеств в них нет, а прежние утрачивают остроту и свежесть. Можно вообразить, что тебе неинтересно становится. Да и сама планета уже кряхтит: мол, хватит, больше не вытерплю. А сами мы, похоже, вырлуть не в состоянии.

- Такое бывало не раз.

- Я так понимаю, что до поры до времени эти катаклизмы — метеориты, оледенения, потопа и так далее — носили космический характер, пока внешние условия окончательно утрясались. К нам, собственно, они прямого отношения не имели. И уже много тысяч лет, как ничего подобного не случилось. С нашими массовыми несчастьями мы тоже худо-бедно справлялись. А вот лет сто назад, примерно, мы начали создавать катастрофы сами, причём явно бессознательным образом, совершенно неожиданно для самих себя. Каким-то таким уродливым

способом мы сумели развиваться и организоваться, что выпустили из рук развитие событий. И с тех пор не перестаём удивляться. Совершенно непредвиденная Первая мировая война, которая чуть с ума не свела целое поколение; тут же чудовищный переворот в одной шестой света, изуродовавший население ещё на несколько поколений; и почти сразу вслед — Вторая мировая, после которой массовое истребление уже не казалось таким уж немыслимым, как прежде... И нет никаких причин полагать, что такой курс неожиданных и неуправляемых катаклизмов вдруг прервётся, поскольку мы так и не знаем, что его породило. Ты предлагаешь терпеливо дожидаться очередной катастрофы и надеяться, что всё ещё раз образуется? По твоим намёкам, всё начинается с этической необходимости бытия и творческой мощи, действующих в одном направлении. И даже вселенная неопределённого качества, в которой добро едва перевешивает зло, немножко лучше, чем полная пустота. Я верю. Очевидной связи тут нет, и, может быть, она и не нужна, а интуитивно я ощущаю, что такое возможно. Но если это этическое требование приводит к простой череде катастроф и выживаний — моё понимание кончается. В этом я никакой необходимости не вижу. В бесконечном терпении она что ли? Или в суживающейся возможности для немногих будущих поколений пережить всё те же наши радости и печали? Мне кажется, замысел мог бы быть, если и не посчастливее, то хоть попримечательней, чем парк культуры и отдыха с головокружительными аттракционами.

- Ты готов коснуться самого замысла?

- А что такого? Было время, когда ты не стеснялся со мной советоваться. Это уж потом ты разгневался: где, мол, я был, когда ты полагал основания земли... И так далее, и так далее... Вот там и был. И позволь тебе напомнить, что прежде чем полагать основания, ты, по мудрости и по совести своей, спросил меня: готов ли я разделить с тобой хлопоты творения, при том, что мне достанется самая мрачная его сторона — конечность земного существования и вся, с ним связанная боль. А я, восхитившись возможностью на свой, человеческий лад приобщиться к восторгу творчества, дал тебе своё согласие. Но ты ни словом не обмолвился, что договариваешься не со мной одним. И что может наступить срок, когда наши потуги тебе наскучат, и ты, в бесконечном стремлении своём дальше удовлетворять эту самую этическую необходимость, оставишь нас позади, щедро предоставив самим себе... Я увлёкся, прости. Собственно, вина твоя только в том, что ты вызвал во мне этот беспорядочный поток словес.

- У тебя нет ощущения, что ты говоришь с самим собой?

- А у тебя?

IV

- Ты знаешь, что мной всё это ощущается по-другому?

- Мне ведь не дано знать, как оно тобой ощущается. И представление об этой несопоставимости, увы, ничего мне не прибавляет. То есть, я даже верю, что эти неправдоподобные ощущения мне будут дарованы в конце концов. После всего, уже не здесь. Более того — думаю, что мы эти впечатления твои значительно обогатили, и что без нас ты многого оказался бы лишён, и вся затея совсем не имела бы смысла. Но ты скажи мне — это всё? Сеанс окончен? Семь с половиной миллиардов живых душ — отработанный материал? А ведь мы ещё продержимся наверно какое-то время, и через тридцать лет будет девять с половиной... Или до того ещё какой-нибудь мор на себя навлечём?

- Давай вернёмся пока к тому, что ты называешь угасанием или увяданием. Я так понимаю, что науку вашу ты в расчёт не принимаешь.

- Принимаю. Ошеломляющий прогресс. Они там уже к тебе подбираются. На свой парткулярный лад, разумеется. Зовут нас всех коренным образом поменять взгляд на мироздание. Не то, говорят, окончательно пропадём. И надо нам отвыкнуть от ложных, устаревших представлений, что мир вокруг нас сам по себе, а мы — сами по себе. А на самом деле — всё едино и находится внутри твоего безграничного сознания, и кроме него ничего нет. Только в нём самом разнообразные формы время от времени возникают, весьма замысловатые иногда, благодаря опять же твоей неуёмной любознательности и жажде творчества. Ну, и исчезают тоже, поскольку неизбежно влипают в гибельную связь со временем и пространством. Ты будто не знаешь обо всём этом...

- О них я знаю. Но что ты по этому поводу думаешь?

- Устал я, Господи. Как же я устал! Зачем ты втянул меня в эти разговоры?

- ...

- Экий ты настойчивый, безжалостный. Ты безжалостный?

- ...

- И молчаливый. Почти, как я. Они правы. Конечно так оно всё и есть. Но

почему они решили, что этот переворот в сознании, к которому они призывают, нас спасёт — ума не приложу. Удивительный склад научного мышления мне незнаком, и тут я судить не могу: возможно, такое перевёрнутое миропонимание способно сильно продвинуть их опыты. И я готов пожелать им всяческих успехов. Но вот, мы когда-то считали, что Солнце ходит вокруг неподвижной Земли. Теперь каждому ясно, что нет, это мы вокруг него ходим, да ещё и сами вокруг себя вертимся. Что, в сущности, это поменяло в нашем мироощущении? Как этот полный переворот в мозгу отразился на нашем ежедневном бытии? И что мы такого теряем, продолжая это Солнышко встречать по утрам и к вечеру провожать своим допотопным взором? Я по-прежнему хожу по плоской Земле, сколько бы она ни закруглялась. Ведь именно так мы и созданы были с нашими пятью чувствами, чтобы не пытаться кулаком стенку проломить не потому, что Принцип исключения и Принцип неопределённости мешают, а потому, что она твёрдая и будет больно. А тебе какой приход будет, если мы непосредственные и разнообразные ощущения свои отложим, а упрёмся в одни неуловимые кванты, то есть — в математику, о которой тебе и так известно больше всех, и с которой у тебя всё и начиналось?

- ...

- ...

- Они не ко мне, а к вам подбираются. Ваши художества хотят своими заменить. Ну, Бог с ними, это пустое, пройдёт.

- Нет, порывы их благородны — они с материализмом сражаются. Вот тебе, кстати, ещё один пример: они ведь пытаются взять на себя наши обязанности. Значит, тоже чувствуют, что мы провисли.

- Но ведь таких, как будто, совсем немного. А на тех, настоящих, которые фундаментальными делами занимаются, у тебя тоже надежды нет?

- Кажется, там та же ситуация. В последние сто лет ничего фундаментального им не открывается. Теорий полно, а открытий — нет. Но тут именно в этом, может быть, спасение, если оно вообще есть. Неизвестно ещё, не хватит ли уже того, что они успели наоткрывать, чтобы следующая война действительно стала последней, в том смысле, что некому будет воевать. Так что, если это ты их придерживаешь — честь тебе и хвала. Про биологию только не забудь. Если сумеешь, конечно, отделить её от медицины... Между прочим, к разговору о замысле. Ты не заложил ли в него случайно что-то вроде принципа

самосохранения? Чтобы эта единая Теория мироздания, к которой они рвутся, им не давалась, пока мы не приведём себя в состояние, исключающее войны, безудержное накопление, разрушение окружающей среды и так далее...

- Возможно. Наверно. Я уже не помню. Но вернёмся ещё раз чуть-чуть назад. Значит, до последнего времени, по-твоему, всё развивалось с моим участием?

- Хотелось в это верить. Как-то очень ободряло.

- Можешь как-нибудь это изобразить?

- Зачем тебе? Ты знаешь, о чём речь. А если нет, и ты тут не при чём, тогда и говорить о чем.

- Мне всё по-другому видится, я уже сказал — что бы и как бы оно ни происходило.

- Имя Шпенглер тебе что-нибудь говорит?

- Не имя, конечно. Много их было... Какая-то муть циклическая, кажется.

- Циклическая, да. Но почему муть? Он трезвый был мужчина. Ну, погорячился немного, увлёкся. Так это и хорошо – умы освежает... Так вот те же сто лет назад он по-своему заметил твоё отсутствие в творческом кругообороте. Только у него, в отличие от меня, это вызвало воодушевление. А когда он Европу закатил и на нашей никчёмности отплясался всласть, пришлось ему всё-таки сочинить какое-то возможное «отрешённое благочестие», вторую религиозность. Нельзя сказать, что она его особенно радовала, но не упомянуть о такой возможности не смог, стало быть — отметил отсутствие её в данный момент. Но не надо даже никаких ярких теорий, чтобы увидеть, что у музыки, поэзии, живописи — у всех искусств крылья слабеют. А талантливых художников не убавляется. И значит дар Божий ты ещё шлешь — или он там по наследству как-то передаётся — а вдохновением делиться перестал. Такое, по крайней мере, впечатление создаётся. Ну, а что новой религиозности тоже пока не видать — это как раз понятно, если не считать новых праведников. О них мы уже говорили.

- Ещё чуть-чуть назад. О пяти чувствах, с которыми вы были созданы. Согласись, что ты ведь можешь и не знать, сколько этих чувств на самом деле. До сих пор хватало пяти, для выживания их оказалось достаточно. Но что, если в

запасе есть другие? И, если не праведники, которых ты не жалуешь, то биологи сумеют их в вас разбудить? А те, в свою очередь, обострят или освежат вашу чувствительность и в результате откроют вам глаза на причины нынешнего неблагополучия?

- Волшебная возможность. Фантасты наши до неё уже додумались.

- Вот видишь. Значит и ваша творческая рать всё-таки не дремлет. Это же новая перспектива, как-никак.

- В этом блестящем сюжете ² есть к сожалению обидный дефект. И авторам он был известен. А потому, во имя целостности и гармонии, они поместили эти события в далёкое будущее, когда теперешняя неразбериха человечеством благополучно, неведомым, правда, образом преодолена. Они понимали, что такой прорыв — в биологии ли, в сознании — такое внезапное расширение человеческих способностей, случись оно сейчас, ещё сильнее обострит существующий кризис. Нет гарантий, что люди воспользуются им во благо. И есть все основания полагать, что они ухитрятся с его помощью многократно увеличить свои накопительные и разрушительные возможности. Удержать их некому.

- А что могло бы удержать?

- Это, может быть, трудно себе представить, но я думал, что самое простое и самое доступное. То, что всегда удерживало человека от разнузданности и в то же время побуждало его выращивать самого себя, не успокаиваться на видимом благополучии — искусство, его пронзительное и очищающее воздействие, самым непосредственным образом напоминающее о необходимости творчества, о тебе, в сущности. До самого недавнего времени эти великие души продолжали свой самоотверженный труд, вопреки всё сгущающимся, губительным обстоятельствам. И вот мы наблюдаем, как последние из них уходят. А новых не появляется. И, поскольку, они ближе всех других к тебе стояли, и никогда не творили зла, и не искали иного вознаграждения, кроме радости созидания и возможности делиться своими открытиями, я не вижу иной причины отсутствия их наследников, кроме твоего непонятного решения лишить их своего благословения.

- Всё это выглядит очень тяжёлым. Если ты позволишь поделиться мнением творческого специалиста, я не уверен, что с таким грузом возможно оторваться от земли. Эти святые труженики и творцы, о которых ты скорбишь — они ведь лёгкими были все. Могли сильно ударить, довести до слёз, даже свалить, но ногами до смерти никогда не забивали. Дух игры и праздника всегда

присутствовал.

- Истинная правда. Но ударить умели. Кто сейчас способен нанести сильный удар?

- Может, не в них дело, а в уплотнении кожи, которую ваш рассудок вам нарастил, в отсутствии необходимой восприимчивости?

- Ни их, ни тебя это не должно было бы остановить. Или ты решил подождать, пока биологи не наградят нас седьмым и пятнадцатым чувством? Смотри! Некого будет благословлять.

- Ты, может быть, слишком торопишься. На вторую религиозность совсем не рассчитываешь?

- Нет. Я ведь не о Втором пришествии говорю. Я часто думаю, что и первого не было — в том виде, в каком его расписали. Сыны Божии всё время приходят. Я не за чудеса держусь, а за честный совместный труд. Пусть даже и неприметный.

- Так, если неприметный — может он продолжается?

- Вот и скажи мне, продолжается он или нет. Я тебе поверю.

- ...

- Зря ты меня потревожил.

- Это ведь самое чудо и будет, если я скажу.

- И что?

- Ты говоришь, что за чудеса не держишься...

- Давай, лови меня на слове... Ты — не я. Моя забота — терпеть, а твоя — не знаю, какая...

V

- Хочу услышать одну из твоих историй.

- Ну, здравствуйте. Только я приготовился к серьёзной беседе... Стоит ли развлекаться историями?

- Ты, как я слышал, резко отделяешь настоящие сказания от развлечений и сильно сердишься, когда их путают. Так вот, мне бы настоящего.

- Нет у меня сказаний. Не сказываются. Одни личные всплески остались. Да и их стараюсь укротить. Что растревлять себя без толку...

- Пока не укротил ещё, сделай милость — поделись личным всплеском.

- ...

- ...

- Совсем недавно... О, чёрт... Вот видишь, как они даются, сюжеты эти, какими гримасами... Прости... Одна святая душа ушла от нас недавно к твоим пределам.

- Как зовут?

- Так никак теперь, наверно, не зовут. Тут ведь имена отлетают. У тебя и самого-то настоящего имени, кажется, нет. Но по некоторым приметам сможешь её узнать, я надеюсь. Ты присмотришься к ней — она тебе очень пригодится ещё. А я попробую рассказать, как она уходила. Как долго и отважно эта душа терпела и боролась, чтобы успеть отдать тебе — и всем нам — тот дар, которым наделила её судьба...

Ей выпало самое возвышенное и самое неблагодарное из призваний, переполненное соблазнами, неизменно встречающее тугое сопротивление косного бытия и мгновенно стирающее свои результаты, но на вершинах дающее власть преобразать другие души. И она эту судьбу с готовностью и благодарностью приняла. И все искушения отвергла, и от ударов её ни разу не уклонилась. Она была актрисой.

Про работу её я рассказывать не стану. О ней у тебя должно быть

собственное представление, каким бы ни было оно особенным. И если нет, мне всё равно не удастся это воспроизвести без её участия.

А вот — её житейская судьба.

Чудовищным терзаниям подверглась её прекрасная плоть, столь необходимая ей для успешного осуществления своих замыслов. Нестерпимой болью, множеством операций, временным параличом, страхом и изматывающим лечением сопровождался её путь. И ничто из этих испытаний не сломило её духа.

Не менее тяжким оказалось и преодоление других преград — запретов, изгнаний, резкого сокращения числа тех, кому она могла бы дарить свой труд.

А она продолжала его дарить со всё большей охотой и усердием.

И вот наступил срок, когда измученная плоть стала отбирать у неё одну за другой те немногие простейшие радости, которые она в этой жизни ценила.

Мечтала ещё раз съездить в Италию. Об этом уже не могло быть и речи — она с трудом ходила. Но ещё возможно было медленно покрыть перед сном десятую часть наших обычных прогулок.

Начало двоиться зрение, и она уже не могла читать. Боль теперь не оставляла никогда, и сильные наркотики, которые ещё вчера служили лишь редким и чрезвычайным средством, постепенно становились средством обычным и регулярным. И с ними пришло очевидное торможение сознания. Тише, медленнее и реже становилась речь. Всё больше времени она проводила во сне — и это выглядело благом, ибо как будто избавляло от боли и остальных утрат. На самом деле она уходила от жизни, от нас.

И всё-таки каждый приём болеутоляющего сопровождался обсуждением времени и дозы, потому что общее воздействие его конечно же ощущалось и ею самой и отворачало даже ослабленное её сознание.

Каждый вечер перед сном я читал ей лёгкие рассказы — мы надеялись, что с их помощью удастся сократить дозу наркотика. Она смеялась. А по ночам её стали посещать галлюцинации и разобраться в них было невозможно.

- Увидимся завтра, - сказал я, целуя её на ночь.

- «Увидимся мы в странном месте...», - повторила она, засыпая строчку из песни.

До самого конца она не оставляла надежды вырваться из этих тисков и, в меру убывающих сил, отдавалась попыткам вылечиться. И некоторые варварские процедуры приносили видимый результат. Вот только ела она всё меньше, привычная и любимая еда прежнего удовольствия не доставляла, и даже неременный кофе по утрам становился безразличен.

За три недели до её кончины, никак её не предчувствуя, я спрашивал врача, не следует ли, помимо устранения всё новых симптомов, озаботиться самой болезнью и попробовать всё-таки с ней совладать. «Боюсь, что это невозможно» - был ответ. Совершенно ошарашенный и сбитый с толку этим залпом, я спросил,

несколько даже иронически — и сколько же времени, по мнению лекарши, у неё осталось? «Может быть, месяц», - прогремел второй залп.

Были и противоположные врачебные мнения, и окончательно смириться с таким приговором я отказался. А она о нём так и не узнала. Это было ещё дома.

В тот же день я выбрал удобный момент и сказал нашей взрослой дочери: «Мне жаль тебя расстраивать, но, возможно, мама от нас уходит». «Я знаю», - ответила она.

И потянулись последние, уже больничные дни, которые мы провели вместе неразлучно.

Потом она уже не могла вставать, но её всё ещё возили на сеансы радиации. Однажды и эти поездки пришлось отменить, равно как и множество таблеток, которые ей трудно было глотать.

Оставалась ещё серьёзная надежда на новый жестокий курс лечения, предложенный другим врачом. Но от этой последней попытки она отказалась. Не потому, что потеряла надежду и смирилась. В тот момент она заговорила о Фениксе. Она определённо уповала на какое-то чудо — на твоё участие, быть может... Ты здесь ещё?

- Продолжай.

- Ночью я смотрел на неё спящую, и все кошмарные впечатления дня испарялись. Да, мы попали в серьёзный переплёт, но выберемся и из него, как выбирались из всех предшествовавших. В том числе и из того смертельного испуга восемнадцать лет назад, когда впервые прозвучало имя этой проклятой болезни...

«Интересно, кто это будет в следующий раз?», - говорила она, выходя из дрёмы. «А кто был сейчас?», - спрашивал я. «Откуда же я знаю...».

Или в другой раз: «Мама, возьми меня... Я устала...».

Или: «Простите меня... Я не хотела...».

А ещё: «Было много счастья...».

Такие беседы...

Закаты, ежевечерне наблюдаемые из окна палаты, сводили меня с ума. Врачи и сёстры были полны доброжелательности. Никто даже не намекал на исход. А страшная санитарка из Гватемалы, к которой она проявила живейшее любопытство, даже вселяла нажду своими косноязычными легендами. Ещё вертелась Земля, и Солнце закатывалось к вечеру, чтобы утром опять взойти. Но что было мне до астрономии! Если уже с трудом поднимались руки, а говорить становилось не о чем и не с кем. Для кого-то солнце заходило, чтобы утром встать, для меня оно вставало, чтобы вечером неуклонно спускаться за горизонт сквозь золотистые или багряные облака. Закатывается жизнь... Только это и оставалось в

сознании. И я ничего не мог сделать, чтобы это остановить.

Это теперь в изболевший мозг проникают разумные мысли: да, неумолимая наследственность; да, удалось прожить на двадцать с лишним лет дольше матери; да, жизнь была полна чудес и свершений, а агония — относительно короткой...

Но этот траур, повторяющихся изо дня в день закатных вечеров!.. И природе угодно было ещё удерживать эти дни ясными, как бы подчёркивая то, что следовало видеть, как бы указывая: смотри... смотри... запоминай...

В одну из относительно светлых минут я, сидя у постели и держа её руку, сказал: «Тебе, может быть, в тягость моё постоянное присутствие, кажется, что я тебя стараюсь удержать. Это не так. Ты свободна. Можешь отправиться, куда захочешь... Или вернуться к нам...».

«Это хорошо...», - ответила она. А я продолжал: «Знаешь, что мне сейчас видится? Что мы идём рядом по широкому проспекту. Он так широк, что дома по сторонам не видны, только угадываются. И где кончается проспект, тоже не видно. Но нам и не важно. Мы просто наматываем бесконечные мили, что прошли вдвоём по Риму, Парижу, Дублину, Венеции, Амстердаму, Лондону... И не задумываемся, куда держим путь. Но ничего пугающего впереди нет...».

«Я понимаю...», - ответила она едва слышно.

И последнее. Она спросила однажды, как, мол, я сам-то. Но вокруг были люди, а врать мне было не вмоготу. Когда же мы остались одни, я ей напомнил, понадеявшись, что сумею выговорить: «Ты спрашивала, как я? Я чувствую, что умираю...». Не очень ровно и спокойно у меня получилось. «Не смей! - сказала она довольно твёрдо, - Брось это! Я тебя люблю. Такое не умирает».

Каюсь. Я ей не поверил тогда.

И был день, когда мы привезли её домой. Это казалось мне абсолютно необходимым, сколько бы ей ни оставалось жить. В дороге она впала в полусознательное состояние. В нём и оставалась до конца. Я думаю, что она не поняла, что уже дома. Видеть это она не могла. Может быть, слышала что-то и догадывалась. Я на это очень надеюсь.

Ночь я провёл рядом с ней. Рано утром она перестала дышать...

- ...

- ...

- Ничего. Не стесняйся. Я побуду ещё тут, с тобой...

- Зря ты вынудил меня... Никого это не касается.. Даже тебя.

- ...

- Даже тебя...

VI

- Много времени на меня тратишь.

- Время?

- Я не так сказал. Что уж столько внимания к моей персоне?

- Я ещё не поблагодарил тебя.

- За сюжет? На здоровье.

- Да... До меня обрывками долетало, тревожило. Но вот так, в едином повествовании...

- Доносилось и прежде, значит?

- Но ты ведь знаешь и о том, что не от тебя одного это исходит.

- Что «это»? Нет никакого «этого». Есть только моё. Ты скажи влюблённому, что такие восхитительные ощущения дано испытать каждому — посмотришь, как загадочно он тебе улыбнётся. Что уж тут о смерти говорить. Смерть — дело чересчур личное, слишком затрагивает каждого человека, чтобы делить её на всех. То, что есть в наших переживаниях общего, это пустяк, мелочь. Не трудись даже замечать.

- Я не спорю. Стоит ли только каждый случай так уж раздувать?

- Я уже сказал: не надо было выжимать из меня. Но раз ты сам захотел — стоит. До Небес. До самых твоих чертогов! Может быть, тебе следует знать. А то так и не усвоишь, что ты тут натворил.

- Ну, ну. Ты, я смотрю, как-то подрос, освоился с давней нашей перебранки.

- Я, видишь ли, освоился до такой степени, что весь этот горький, грязный и прекрасный опыт — вот именно в этом виде, а не в твоём неведомом понимании — собираюсь взять с собой, когда материя уничтожит, наконец, мою оболочку. Надеюсь, мне это удастся. И вот тогда я с тобой сумею поговорить. Потому что теперь ты явился как бы по своей воле, и это нелепость, такого быть не может. И я, на самом деле, как молчал, так и молчу, и в перепалку с тобой не вступаю. В

крайнем случае я могу это рассматривать только как своего рода предварительное собеседование. А вот когда я появлюсь, не ковыляя — одна нога здесь, другая там, как твои нынешние праведники рекомендуют, а совсем безногим, речь пойдёт не о сетованиях повергнутого во прах и не о твоём явлении в громах и бурях, а о самом начале, о первом твоём вопросе и моём ответе. Только в этом случае твои предчувствия и догадки моего неведения будут не вневременной этической потребностью, а реально существующей вселенной — пусть одной из многих...

VII

- Ты не ответил на мой вопрос: не кажется ли тебе, что ты разговариваешь с самим собой. То есть, ответил, вернув его мне. Ты с современниками своими не пробовал это обсуждать?

- Нет. Зачем? Чего их расстраивать? Всё это мало кого интересует. А кого интересует — им тоже интересно не со мной это обсуждать. Друг друга понимать нам здесь становится всё труднее.

- Но беседовать с самим собой — это ведь в некотором смысле противоестественно. Вокруг множество других, и среди них должны же быть хоть немногие, кто способен разделить твои мысли и чувства. А если и с ними общаться не получается, не испытываешь ли ты чувство одиночества, какую-то пагубную уединённость?

- Да, да. Вот те, кого мы согласились праведниками называть, они как раз очень нажимают на это свойство — вести постоянный внутренний диалог с самим собой, как на симптом общей болезни. Но мы говорим с самими собой непрерывно. И это не болезнь. Вопрос в том, кто с кем говорит. Если наше другое «я» – набор жёстких, приобретённых или внушённых ему представлений, своего рода самостоятельная личность, которая претендует на роль «знающей», распорядится диалогом — он угасает.

Такое тупое «я» наверно следует укротить, разбудить, преобразовать, вернуть к разумному существованию, но никак не убивать, не изгонять и не отказываться от него, что привело бы лишь к односторонности, уродованию двойственной человеческой природы.

А говорить с другими — это счастье. Хотя, бывают времена... Может быть, прежде чем поискать собеседника, стоит как следует наговориться с самим собой.

Вот кто всё это сейчас говорит — я или ты?

- ...

- Ты наверно меня не слышишь. Будь то язык символический, мифологический или какой-либо совсем дикий, заклинательный... Но, может быть, как-то прислушиваешься... Вот я и надеюсь наугад подтолкнуть тебя к собственным твоим раздумиям...

- Может быть, тебе и удаётся.

- Это было бы отрадно.

- Светлый ум, у которого ты подцепил идею об этической необходимости — как он у тебя вписывается в картинку?

- Платон?

- Нет, современник твой.

- А, аксиархист...³ Твоя музейная метафора-то — тоже из его арсенала.

- Я стараюсь соответствовать.

- Он — светлая голова. На таких как он, как будто, всё и держится пока. Так обидно что эти мудрые люди задерживаются на своих теориях. Как и праведники, и научные мифотворцы... Был один, догадавшийся, что истина — в самом движении, что нужно продолжать искать и исследовать её и в том случае, когда основной её луч уже вошёл в душу.⁴ Никто не услышал. Впрочем, как такое можно усвоить? Очень неудобная для рассудка гипотеза. Он, кроме того ещё испугал всех, заявив, что очищенная, творчески добывшая надмирный свет истина может быть не только не полезной, но даже опасной для устраивающегося мира...

VIII

- Хочу тебе предложить род соавторства. Ты всё ещё зол на тех, кого мы решили называть праведниками. А я не прочь встать на их защиту. Почему бы нам не сочинить воображаемый спор и не попытаться разрешить, чем они тебя так глубоко заделали?

- Можно попробовать.

- Начнём с искомого состояния, с того, к чему следует стремиться.⁵ Ты видишь множественность объектов. Люди, цветы, деревья, животные, предметы, свет...

- Поступки, действия, красоту, кончину, слышу музыку,...

- ...Формы. Но при этом ты ещё осознаёшь безмолвие — простое присутствие, сознание. Оно не имеет формы. Это — ты в своей сущности. Отсюда ты всё воспринимаешь. Даже когда ты начинаешь думать — иногда возникает необходимость продумать что-либо — ты не теряешь чувства присутствия. За думанием, между мыслями — по-прежнему безмолвие. Это и означает: одной ногой стоять в одном измерении, а другой в другом.

- Очень неловкое положение. Пошевелишься — штаны порвёшь... Но допустим — я воспринимаю объекты, формы, как ты говоришь. И что следует за восприятием? В какой мере в этом участвует присутствие, безмолвие? Или всё это просто стоит «за», «при», рядом?

- Глубокое уважение форм возникает, когда ты воспринимаешь, что находится за ними...

- И когда наблюдаешь, переживаешь разрушение прекрасных форм.

- Ты ищешь окончательное удовлетворение в мире форм! Но ничто из мира форм не даст тебе этого предельного удовлетворения.

- А какого размера удовлетворение приходит от Теории относительности или Реквиема Дворжака? Разумеется, не предельное, не окончательное. Но, может быть, максимальное — в этих пределах?

- Стоять одной ногой в бытии и другой в ином измерении — единственный способ любить все остальные вещи в мире, как самого себя... Конечно, тело другого человека – не твоё тело. Но на самом глубоком уровне ты и другой разделяете одно и то же. Распознавание во всём единого сознания, выражающего себя бесчисленными формами, есть любовь. Тогда вам самим любовь будет не нужна, потому что вы даёте её... Вы излучаете доброжелательность. Вы не требуете ничего себе. Если вы отдаёте любовь, она к вам возвращается. Ты не рассчитывал на неё...

- Почему же нет?

- ...Тебе было не нужно...

- А! Вот в чём дело!

- И вы благодарны, когда она возвращается. Это прекрасно!

- В самом деле? Какая-то нищенская, даже прохладная любовь получается. Это опять из области музейных сокровищ. Что за природа этого прекрасного? Абстрактная вечная ценность? Так мы бежим из мира чувств. Я не верю, что ты говоришь искренне, изнутри. Похоже, это просто риторический восторг. Но если искренне — жаль.

- Внешний уровень бытия — место сосуществования форм, место печали и плача. Накатывают волны печали, когда умирает кто-то из близких. Одна волна стихает, может нахлынуть другая, но даже если волны и возникают, в глубине царит мир. Вы не схвачены эмоцией, не поглощены ею, она всего лишь существует в вашем пространстве...

- Что значит «всего лишь»? О какой эмоции идёт речь? Об утрате близкого?

- А под эмоцией — мир. И только из этого мира можно понять истину о том, что находится по ту сторону смерти.

- Я пока не стремлюсь ещё понимать, что там находится. До этого мы не добрались. Что мне ясно, это что ты пренебрегаешь эмоциональной вовлеченностью, схваченностью...

- Но пока люди не обретут присутствия, они не знают, что делают. Они не знают, что такое ответственность, не сознают последствий своей

бессознательности... и таким образом порождают и порождают страдание. В конечном итоге, страдание — огонь, в котором сгорает эго — и коллективное, и индивидуальное. Путь этот долгий, медленный. Болезненный путь пробуждения. Путь нарастающего страдания...

- Такой путь существует, согласен. И я вижу тут два исхода. Вместе с эго может сгореть и личность — о которой ты пока ни слова не сказал. А она заслуживает особого внимания. Может быть, это вообще самое главное. Потому что у тебя получается, что эго — это и есть личность. А я убеждён, что это дурная, испорченная личность, хотя граница между нею и личностью естественной очень зыбка. И тогда избавление от страданий — конечный и единственный результат, выключение из процесса, персональное спасение. Но может быть и другое горение, преобразование страдания, преодоление его, сильный созидательный ответ. Тогда личность сохраняется, даже укрепляется, если повезёт, и возрастает. Мне не верится, что избавиться от страданий — единственный способ уйти из-под контроля эго.

- Но многие люди всё ещё тотально отождествлены с формами, появляющимися непрерывно в поле их сознания, как мысли, как эмоциональные переживания, которые становятся шаблонами реактивности, мыслительными шаблонами, эмоциональными шаблонами...

- И они же могут стать не шаблонами, а основой образов, творческих идей, созидания того, что не существовало прежде...

- Вы в повседневной жизни реинкарнируете в каждую мысль, появляющуюся в уме. Вы отождествляетесь с ней. В каждую эмоцию, появляющуюся как сопровождение для этой мысли, которая возникла. И затем вы становитесь этими отождествлениями. Другими словами — это состояние подобное сну. Это сознание, которое на самом деле спит...

- Или увлечённо мечтает...

- Это древняя тема, что мы все спим. Сознание, которое спит, которое отождествилось с формой. Вы смотрите на него и всё, что вы видите — это ограниченное неведение маленькой сущности, которая хочет чего-нибудь или боится чего-то. Свет скрыт отождествлённостью. Это состояние подобное сну. И Вселенная, очевидно, хочет переживать это некоторое время, до тех пор пока она не просыпается... Только в нынешней жизни, здесь и сейчас ты можешь разотождествиться с формой. Это основная задача....

- То есть, бунт. Отказ от замысла – от идеи воплощения в формы. Но ты сказал, что Вселенная хочет что-то переживать... Что же это так её свербит? Не есть ли этот, так называемый «сон» — особый способ творения? Не так ли Высший разум творит вселенные, переходя от мысли к воображению, а затем к мечтанию, проваливаясь в свою мечту? Не может ли быть, что так рождается материальный мир и его особая сущность — человек, с его сознанием, способным совершать похожий процесс?

- Это нам неизвестно. Но все люди в вашей жизни, ваша семья и друзья — они формации, сознание, принимающее эти, подобные сну состояния. Это не то, кто они есть...

- Это именно то, кто они есть, какими я их узнаю и люблю.

- А можешь ты относиться к ним по ту сторону форм, в качестве которых они появляются? Можешь ли ты чувствовать, когда ты с ними, бесформенное в них? Можешь ли чувствовать, что они тоже свет сознания, сияющий через них? Другими словами — узнавать себя в других.

- Могу. Так и стараюсь поступать, но самое драгоценное — что «в других».

- Вы есть свет мира, как кто-то сказал две тысячи лет назад. Он сказал две вещи. Он сказал: «Я есть свет мира». И он также сказал: «Вы есть свет мира». С кем он говорил? Он говорил с таким-то и таким-то? С его маленькой жизнью, и его маленьким знанием, и его маленькими опасениями? Это свет мира?

- Конечно! Рождённый по образу и в стремлении к подобию. Говорил, напоминая то, о чём они забыли.

- Это эфемерно, мимолётно. Это «я» мимолётно — это хорошо, это нормально. Мы можем наслаждаться этим тоже, этой мимолётностью...

- Тоже? Ради этого, кажется, и был создан мир. Ты вроде правильные вещи говоришь, но только всё у тебя с ног на голову поставлено...

- Вы не можете применять ваше повседневное сознание, которое является объектным сознанием, которое схватывает, осмысляет. Потому что привычка поиска формы очень сильна — это то, как работает ум. Он пытается то, о чём в действительности не рассказать словами, превратить в форму, в объект сознания.

Бога, например. В тот момент, когда вы говорите «Бог» — вы превращаете то, что не может быть выражено словами, но является самой основой для всей жизни, является самой жизнью, до того, как она воплощается в то или это, называя — вы делаете из этой жизни объект...

- А как вообще можно впустить незримое в сознание? Есть и более подходящие формы — символы, образы, мифы — которые помогают сознанию ориентироваться не только в чувственном мире, но и в сферах нематериального: любви, например, добра, того же страдания, наконец.

- Это то, что все люди сделали по отношению к себе: они превратили самих себя в объект сознания. И затем у вас есть отношения с этим, с «собой». Иногда приятные отношения. Иногда неприятные отношения. Иногда вы нравитесь себе. Или не можете себя выносить. И это нечто очень странное: вы превращаете себя в объект...

- Если ориентация в мире ограничена только тем, нравишься ты себе или нет — это безусловно тупик, полный провал.

- Но мы осознаём здесь нечто очень важное. Осознавая это, кажется, что мы должны пройти через эту стадию превращения себя в объекты, что вероятно описано... Ну, это описывалось всюду в мире.

- Вот, вот. Хотелось бы знать, как ты понимаешь эту, «описанную всюду в мире» необходимость превращения в объекты. Это ведь, пожалуй, самое интересное и, может быть, главное для нас обстоятельство нашего бытия.

- И мы здесь чтобы выйти за пределы этой иллюзии, что вы — это объект в сознании.

- Но это не иллюзия, это так и есть. И мы здесь для того, чтобы это осознать и, сохранив сознание, присутствовать в нем в качестве объекта-субъекта. Именно так — в двойном присутствии.

- Самое большое, что вы можете знать — это всё содержимое, все формы, которые составляют личность. Все скрытые стремления, мотивации, боль.

- Именно, именно! Это и есть та личность, которая активно действует в чувственном мире.

- Я не говорю, что такой вид знания абсолютно бессмыслен — он также имеет своё место. И в основном его смысл, то, зачем оно нужно, это для того, чтобы вы осознали, что оно здесь, но вы не являетесь им. Всё, что вы можете знать — это то, чем вы не являетесь, то, что не вы. Вы можете много знать «о себе», но вы не можете знать «себя». Вы можете исследовать не только психологического себя, вы можете также исследовать ваше тело — другой аспект формы себя. И если вы начнёте исследовать тело, вы можете продолжать сотни лет, потому что вы только царапаете поверхность всей сложности человеческого тела: даже величайшие эксперты знают только самую малость.

- А разве не стоит?

- Никто на самом деле не понимает, как всё это работает. Вы всегда можете смотреть глубже: это очень сложно. Мы здесь не для того, чтобы полностью понять Форму.

- Наверно и для этого тоже. Зачем она нужна, форма, если понимать её не стоит? Если это всего лишь какой-то изобретательный, бесцельный, в сущности, трюк. Способ потешиться нашим кровавым опытом...

- Достаточно если мы узнаем то, что нас блокирует от более глубокого осознания сути....

- То есть, побыстрее сообразим, как сбежать, вернуться к исходной точке? Какую же это «суть» нам надлежит глубоко осознать?

- Никакой формы не возникает в вашем сознании, когда вы осознаёте, кто вы есть.

- У Творца возникла именно форма. Он был неправ? Оступился? И мы берёмся его поправить?

- Это просто из-за того, что мы используем язык: структура языка такова, что в предложении есть субъект и объект. А вот когда вы достигаете точки, в которой у вас появляется это чувство «я больше не знаю, кто я», тогда вы приближаетесь к самосознанию. Вы больше не определяете себя посредством мыслей, формулируя все возможные виды суждений о себе и мнений. Тогда самость проявляется, и она бесформенна. И она здесь не в какой-либо мысли, но в сознании, из которого, конечно же, приходит любая мысль...

- Вот тебе раз! Зачем же она приходит. К чему она теперь?

- И это — присутствие. Присутствие — бесформенно. Это «я есть». Не «я есть это или то», но «я есть».

- Тут противоречия нет. «Я есть» и в то же время – «я есть это». Иначе меня в этом мире нет, и я ему не нужен.

- И, конечно же, слова «я есть» — это только указатели. Это неверные слова, но у нас нет правильных слов для этого. Присутствие — это то, что предшествует всем чувственным восприятиям, делает все чувственные восприятия возможными. Это предшествует всем мыслям, но делает все мысли возможными. Предшествует всем эмоциям, но делает все эмоции возможными. Предшествует всем формам, но делает все формы возможными. Присутствие, первоначальное состояние, первоисточник, до того, как Вселенная была рождена. Поразительно, что состояние до так называемого большого взрыва (того, что учёные называют началом форм), никогда не исчезало. Первоначальное состояние в действительности продолжило существовать в каждом существе как суть каждого существа. Так что в каждом существе суть самого Сущего присутствует в качестве присутствия.

- Замечательно сказано! Остаётся понять, зачем нужен был большой взрыв, и существа, столько существ...

- Никакие из этих слов не являются предельной истиной: подобные вещи не могут быть выражены словами. Так что каждое слово — это приближение, отдалённое приближение или указатель для вас, чтобы поддерживать осознание... Если вы ищете Бога, то сам поиск содержит ошибку, потому что в начале поиска у вас уже есть умственный объект, объект в сознании который вы ищете.

- Это так, конечно.

- Или даже если вы ищете вашу истинную самость – настоящего себя — в начале поиска уже содержится ошибка. Как вы можете прийти к успеху, если в самом начале поиска вы идёте не туда? «Я ищу себя». Полагая, что вы можете найти некую улучшенную версию себя в какой-то момент в будущем, просветлённого меня.

- Почему в будущем? Просто не оставлять углублённого сознательного труда, и тогда я нахожу себя в каждый момент, себя создаю. А без этого нет ни

меня, ни мироздания.

- Основная причина, по которой мы здесь — единственная причина, это получить доступ к этому состоянию сознания. Не выучить что-нибудь новое, как предполагает осведомлённая часть вашего разума. Так вам легче быть собой... «Быть собой» — интересное выражение с большим количеством смысловых уровней. Быть чем-то очень поверхностным, полностью выражать вашу обусловленность – может быть одним значением выражения «быть собой». Или может быть более глубокое значение: «не быть никем в особенности», быть Сущим. Не быть кем-то, быть Сущим, быть сознанием. Быть собой.

- Мне кажется, есть и ещё более глубокое значение... но мы повторяемся. Быть Сущим — значит быть Сущим, не собой.

- И ещё очень важный момент— не сопротивляться объектам, которые возникают в пространстве настоящего, потому что пространство настоящего это, другими словами – кто вы есть. «Сейчас» — это другое слово для обозначения того, кто вы есть: пространство, в котором все вещи возникают. То, что никогда не исчезает, без чего нет никакой жизни. Это сама непроявленная жизнь. И — внутри этого все вещи проявляются. И затем исчезают.

- Да зачем же они проявляются и исчезают?!

- Пока вы движетесь через переживания, опыты вашей жизни, на заднем плане сохраняется поле мира, покоя. Но неким странным образом оно течёт также и в мир форм, так что любой человек, который поддерживает это осознание, внимательно к нему относится в повседневной жизни, начинает оказывать влияние в этом мире форм. И вещи меняются. Но это не является причиной, почему мы вовлечены в это. Вы здесь не для того, чтобы изменить мир. Это побочный продукт осознания...

- То есть, в промысле Создателя мы участия не принимаем? И созданы без нашего ведома, как экспериментальный, подчинённый материал? Как насчёт свободы воли? И зачем нам дано это своё унижительное положение осознавать?

- Если ваша цель, цель вашей жизни — изменить мир, тогда это опять начинается с неправильной карты. Как ты знаешь, общепринятое значение любви — это некое прикрепление, привязка одной формы к другой в надежде найти нечто вроде осуществления, завершённости. Но истинная любовь — это нечто иное. Если вы, не определяя себя, смотрите на другое человеческое существо, тогда и

нужды определять другое человеческое существо посредством мысли больше нет. Вы распознаёте неопределённую суть себя в другом. И это — любовь. И она не имеет ничего общего с любовью мира вещей.

- И людей... Непонятно, с чем вообще такая любовь имеет что-то общее. Зачем же существует пол? Конечно «узнавание себя», но именно в другом, в этом весь смысл и пола, и взаимного сердечного влечения, и любви.

- Вещи могут всё ещё быть важными...

- Всё ещё? А могут не быть?

- ...но никогда — абсолютно важными.

- Я бы выразил это иначе: вещи никогда не должны быть абсолютно важными, но лучше осознавать их важность.

- Однажды поняв и приняв факт мимолетности всего и неизбежности перемен, ты можешь радоваться удовольствиям, пока они есть; не испытывая ни страха потерять их, ни тревоги за будущее. Освободившись от привязанности, ты обретаешь преимущество более высокого качества, и с этой более высокой точки смотришь на события своей жизни так, что они тебя больше не захватывают. Ты уподобляешься космонавту, видящему планету Земля, окружённую бесконечным пространством, и понимающему парадоксальную истину. Земля любима и драгоценна, и в то же время не значима. Признание того, что и это пройдет, вносит непривязанность, и вместе с этой непривязанностью в твою жизнь входит новое измерение — внутреннее пространство. Через непривязанность, так же, как и через внутреннее непротивление, ты получаешь доступ к этому измерению.

- И с ним, как космонавт, возвращаешься на Землю, к привязанностям. А иначе — чем же она «любима и драгоценна»? Вот тут, как мне кажется, и есть основная ошибка. За эту черту лучше бы тебе не заходить. Ибо ты искренне, может быть, по своей особой эмоциональной природе заблуждаешься сам и непреднамеренно вводишь в заблуждение других. Вполне достаточно твоих первоначальных, терапевтических намерений. Может быть кто-то из пациентов сможет пойти дальше. Можно ведь и «залечить» до отсутствия и отшельничества.

- Да, в людях живёт бессознательная потребность, которая является частью личности, частью эго. Это потребность в чувственных опытах, в утверждении идентичности формы, в продолжении испытаний сенсорного уровня.

- Всё это необходимо личности, да — не эго.

- Во мне точно нет потребности в дополнительных чувственных переживаниях.

- Ну, наконец-то! В этом всё и дело. Это отказ. Весь смысл появления материальной вселенной, живых существ и человека заключался прежде всего в возможности испытывать чувственный опыт, недоступный Высшему Сознанию. И ты от этого отказываешься. То есть, сама идея такого мира кажется тебе лишней, не заслуживающей внимания. О чём же тут спорить?

- Сознание уже сознает. Оно не проявлено, вечно. Однако, Вселенная постепенно становится сознательной. Когда сознание обретает форму проявленной Вселенной, оно предстает тем, что существует во времени и переживает некий эволюционный процесс...

- Некий? Какой же? Это ведь самое интересное!

- Человеческий ум не способен до конца постичь причину происходящего и смысл этого Процесса...

- Да будет тебе повторяться! Слишком часто эту уловку используют, просто когда не хватает аргументов. Сам-то ты уже напостигал тут без всякой меры... А «до конца» и не надо, а может и действительно не получится. Но прибегать к такому, как бы глубокомысленному заявлению, чтобы уклониться от разговора, некрасиво.

- ...Но мы можем на миг заглянуть внутрь себя и стать его сознательными участниками.

- Если «сознательными», значит должны сознавать, что за процесс.

- На нашей планете человеческое эго представляет собой финальную стадию всеобщего сна, стадию отождествления сознания с формой. Эта стадия эволюции сознания была необходимой.

- Для чего?

- Через вас сознание втекает в мир. Оно вливается в ваши мысли и наполняет

их вдохновением. Оно втекает в ваше дело, ведет и вдохновляет его.

- Вот это нечто интересное. Пока ни о каких «делах» речи не было. Скорее — об уклонении от дел.

- Если бы ты не страдал, в твоём человеческом естестве не было бы глубины, не было бы смирения, не было бы сочувствия...

- Стало быть, оно необходимо, страдание — для глубины, сочувствия, смирения? И теперь появилось ещё нечто важное — «человеческое естество» — это что за зверь? Что-то новенькое. Может, это личность и есть? Поскольку к это оно не может иметь отношения.

- Страдание взламывает скорлупу эго, а вслед за этим приходит понимание, что оно уже сослужило свою службу. Страдание нужно до тех пор, пока ты не поймешь, что оно не нужно...

- О! Но это и есть преображение мира! Никак не персональное дело!

- Высшая цель плотного мира заключается не в самом его существовании, как такового, а в возможности выхода за его пределы...

- Давай я скажу чуть-чуть иначе: это существование привносит, создаёт нечто новое, что в результате и сможет вывести его за свои пределы — к пределам иным, ещё неведомым и более совершенным...

- Некоторые люди говорят: «Бог есть Любовь». Я бы выразил это несколько по-другому, поскольку любовь подразумевает некоторую дуальность: есть любящий и есть любимый — это любовь. Но конечно же в Боге нет никакой дуальности — только единство. Я бы выразил это так: Бог есть осознание единства в мире дуальности, что значит: любовь — это способ для Бога прийти в этот мир и осознать Себя...

- Через земную любовь?

- Любовь есть рождение Бога в этот мир. И только от нас зависит, быть ли открытыми этому. А чтобы открыться этому, личность должна в значительной мере раствориться, для того чтобы идти по жизни, лишь «притворяясь», что она личность.

- То есть, все наоборот — не помочь Богу испытать любовь и осознать себя, но уклониться от этой задачи? А «притворяясь» никак не получится. Притворная любовь?

- ...

- ...

- Ну вот. Мы вроде разогрелись. Даже слегка покричали друг на друга. Ты лихой полемист, оказывается...

- Да никакой я не полемист. Тут и полемики-то не было. Так, параллельные арии...

- Вот и хорошо. Так яснее становится, кто к чему клонит.

- И что же этот скетч тебе прояснил?

- Скорее — подтвердил. Вашу взаимную заинтересованность и правоту и, в то же время — удручающее недопонимание друг друга.

- Это должно меня утешить?

- Ты не говорил, что нуждаешься в утешении... Нет, тут дела обстоят гораздо серьезнее. И — ты не огорчайся, но я тебя опять покину ненадолго. Такой уж будет мой каприз в этот раз...

IX

- Если ты не упустил чего-то ещё, что тебя тревожит, я позволю себе суммировать свои впечатления, чтобы нам обоим стало ясно, о чём идёт речь. Некоторое время назад — условно говоря, на пороге прошлого века — развитие событий совершило некий непредсказуемый и непонятный поворот к худшему, и, поскольку вы до сих пор не сумели как следует осознать причины этого поворота и новые силы, которые с этого момента вступили в действие, ситуация вышла из под контроля. События, продолжающие с тех пор совершаться — как благодаря вашим усилиям, так и вопреки им — разрешения не приносят и дают все основания предполагать, что надвигается новый кризис, более всеобъемлющий, чем все прежние, и предотвратить его вы не в силах, поскольку неизвестно, что скрывается за всем этим скольжением в бездну. Возможным спасением могло бы стать бессменное присутствие в вашей жизни высокого художественного творчества, ведущего самостоятельное, неподвластное историческим поворотам существование, по самой природе своей неразрывно связанное с абсолютными нравственными ценностями и способное глубоко воздействовать на сердца и умы людей. Но и этот источник духовного здоровья иссякает, поскольку даже талантливые художники предположительно не получают более необходимой энергии вдохновения. А некоторое число просветлённых душ, удостоившихся благодати и удерживающих внутреннюю связь с основами мироздания, наблюдают за этим удручающим развитием событий отстранённо и лишь помогают другим страждущим выйти из потока и обрести такую же безмятежную отстранённость. Верно ли я изложил твоё представление о происходящем?

- Намного лучше, чем я сам.

- С этой, весьма похожей на правду картиной я тебя ещё раз на некоторое время оставляю. Отнюдь не предлагаю тебе отдохнуть. Напротив — может быть, у тебя самого родятся по этому поводу какие-нибудь свежие мысли. А затем я предложу тебе немножко иную перспективу.

- Господи! Неужто всё это только из-за того, что я молчу?

- Я познакомился с твоей возлюбленной. У них там целая компания.

- Я рад.

- Они не приходят к тебе?

- Нет.

- Ну, появятся ещё.

- Был такой случай — это ничего не значащая подробность, можешь не прислушиваться — я в юности сгоряча решил креститься. И батюшка спрашивает меня: Символ веры знаете? «Нет, - говорю, - виноват». «Ну, ничего, - он отвечает, - узнаете ещё». Символ веры я узнал, а вот обещание твоё я пожалуй мимо ушей пропущу.

- Ты — не я, как ты уже заметил. Твоё дело — сомневаться, а моё — обещания свои выполнять.

Х

- Не возникло ли за это время новых идей?

- Есть одна. Все эти ламентации мои — вздор. Мне стыдно, что я натаскиваю на себя ответственность за какие-то миллиарды... Что-то мямлю в пользу людей, подмёток которых не стою... Берусь осуждать серьёзных учёных и чистых духом учителей... Зря ты столько времени тратишь на моё нытьё. Мне не нравится жить... И я ищу виноватых. И это ложь, что я что-то там приемлю. Но у меня духу не хватает даже прямо тебе об этом сказать... Не приемлю. Если и есть у меня оправдание, то только в том оно, что не меня одного так скручивало. Но я и тут позорюсь, потому что никто не ныл. Просто уходили и всё. А я и на это не способен. Так что, кругом – полный провал... И ты уходи. Я уж сам как-нибудь...

- Сейчас. А способен ты в виде лёгкой кары выслушать чужое сказание? Проявить терпимость к моей любительской попытке? Мне очень хотелось бы отблагодарить тебя за твою историю.

- Вот это правильно – прямо к Патмосскому откровению...⁶

- Нет, нет. Только завистливое желание попробовать свои силы в сочинительстве. Это из прошлого, никаких пророчеств.

- Я слушаю.

- Озноб. Неудержимая дрожь набросилась на человека в этот день прямо по пробуждении. Причина оставалась непонятной. Он постарался скрыть это от чужих глаз, но временами не справлялся. Окружающие вежливо делали вид, что не замечают. А, скорее всего, принимали эти конвульсии за признак какого-то его особого, особо возвышенного состояния.

Только к середине дня, уже по дороге к городу он понял, что судороги связаны с приближением конца, с осознанием, что он придвинулся к нему вплотную и остались считанные часы.

Он знал – добром это не кончится. И свидетельством тому были не горячие перепалки в храме и не слухи, доходившие из кругов высшего духовенства. Года два назад он поймал на себе взгляд одного из старших чинов храмовой охраны. Это был спокойный, холодный взгляд, подобный близко сверкнувшей молнии, за которой не последовало грома. Но гром предполагался оглушительный, он только задержался на время. С тех пор яркость впечатления рассеялась, и эти мертвящие

глаза иногда всплывали в памяти, лишь как напоминание о чём-то неизбежном.

Сейчас воображение стали осаждать совершенно буквальные образы железного клина, с силой вколачиваемого в ладонь, так что озноб превращался в реакцию отталкивания. Ему удавалось разве что удержать крик. Он прогонял эти видения, едва только они являлись. Помогало смотреть вокруг, замечать как можно больше подробностей. Но ему-то хотелось бы не отвлекаться, собрать оставшиеся силы, чтобы достойно провести эти последние часы. А внутри встречала боль.

И всё же он успел собрать воедино приметы своей недолгой жизни и взглянуть на неё со стороны. Итог был малоутешителен. И уже не оставалось времени что-либо исправить.

Что сохранится в памяти тех, кому он оказался близок, когда его не станет? На следующий день? Можно ли всё это соединить в простые слова, которые легко удерживать в уме и сердце, и которые определяют их поведение в любых тревогах на всю оставшуюся жизнь? Смогут ли они передать такие слова другим?

Самому ему не нужно было слов. Переполюнявшая его радость, с которой он чувствовал на своём плече руку того, кого называл Отцом, не требовала описаний. Единственным жестом, которым он решался подтвердить себе эту неразрывную связь, был поворот и наклон головы, как если бы он хотел эту руку поцеловать.

Ему казалось, что мужчины и женщины, считавшие себя его учениками постепенно осваивали его трепет. Об этом говорили их терпеливые и внимательные глаза, их желание прикоснуться к нему, самоотверженная услужливость, готовность оставить свои дома и сопровождать его в пути. В их молчаливом ожидании он улавливал вопросы и только таким способом — на эти вопросы отвечая, мог на словах передавать им своё представление о мире. А мир этот был или готов был стать непередаваемо прекрасным...

Однако, он замечал и другое. Рядом с бесхитростным, бедным существованием своего народа, которое он так любил и не променял бы на роскошь храмов, шла развитая, обогащённая благосостоянием и удобствами жизнь иных, более могущественных народов. И казалось очевидным, что именно в этом направлении суждено двигаться человечеству, а, стало быть, и людям его рода и племени. Его смущала догадка о том, что, пока они не исчерпают все возможности усовершенствовать своё бытие, может быть и не опустится на их плечи рука Отца.

Но это было не его ума дело, он оставлял такие размышления на волю провидения. Его забота состояла в обучении своих подопечных тому, что ему открылось.

Он предложил всем этим милым людям смирение, всепрощение, милосердие, самоотречение, строгость по отношению к самому себе. Его изумляло, как они с трудом и скрипом, но всё же принимали от него все эти бесполезные, как им без сомнения казалось, вещи. И тогда он понимал, что дело не в ловкости, с которой он облакал эти неведущественные предметы в слова, а в нём

самом, в силе, которая от него исходила, в постоянном присутствии в его жизни этой неземной силы. Так в нём укоренилась и окрепла уверенность, что учение его — если это стоило называть учением — неотделимо от его собственной судьбы. И когда эта судьба встретилась с угрозой, та вошла в само учение, как неотъемлемая его часть. Объяснять тут было нечего.

Он не знал, когда и как произойдёт непоправимое, но чувствовал, что ужин с близкими ещё дарован, и что он, вероятно, будет последним.

Есть он не хотел. Достаточно было видеть всех этих славных людей. Он размышлял о том, как помочь им подольше сохранить память о себе — а, стало быть, и обо всём, чем он успел с ними поделиться. Что оставить им, как можно более простое, но вещественное, зримое, что постоянно напоминало бы об их коротком совместном путешествии. Но что же может быть проще и более осязаемо, чем хлеб, который они жуют теперь, не думая об учителе, ни даже о самом хлебе. А чтобы он не остался единственным напоминанием, которое можно в заботах пропустить, пусть будет ещё столь же простое и ежедневно присутствующее в их жизни вино. И этого хватит, так как можно множить приметы до бесконечности, но если им не помогут две, их не спасёт и десяток.

Было заметно, что они возбуждены. Но их волнение никак не связывалось с его предчувствием. Они, конечно, заметили необычное состояние наставника, а истолковали его по-своему и, как обычно — практическим и одновременно фантастическим образом. Им пригрезилось, что их лидер принял наконец решение соединить духовную силу новой церкви с одним из готовых восстать движений, и вскоре их ожидает победоносная война с властью имеющими фарисеями и лицемерами и страстно ожидаемое наступление Царства Божьего. В конце концов, что-то похожее уже случилось однажды, когда после гибели Предтечи они соединились с его неистовыми последователями.

Сказать надо было прямо, и он понимал, что образ, в который решил облечь своё желание, мог их испугать. Но было уже не до опасений. Он только попытался смягчить свои слова упоминанием о давно установившемся между ними обычае.

- Вы согласились, братья мои, - сказал он немедленно притихшим сотрапезникам, - что кроме простых правил есть ещё истины, которые позволено усвоить только в виде иносказаний.

- Так, Господи, - подтвердили несколько голосов.

- Вот вам ещё одно. То, что вы едите сейчас, - он взял со стола лепешку хлеба, разломил её надвое и протянул половинки соседям справа и слева, - тело моё...

И не давая изумлённому ропоту вырасти, продолжал:

- А то, что вы пьёте из чаш перед вами — моя кровь...

Одни продолжали переглядываться, смущаясь требовать уточнений, другие умудрённо кивали головой. Один оставался неподвижным и безмолвным. Он не

отрывал взгляда от учителя, и по щекам его катились слёзы, почти невидные в тусклом мареве светильников.

Человек поманил удручённого ученика и усадил его рядом с собой.

- Не печалься...

Тот опустил голову.

- Если бы я молчал, заблудшие не имели бы стыда. Теперь они не находят извинения своему греху и возненавидели меня... Возненавидели напрасно... Они лишь откладывают раскаяние. Но разве лучше было бы им оставаться в неведении? Как если бы меня и не было вовсе — что равносильно молчанию.

- Я равно люблю тебя и молчащим, и красноречивым. Потерять тебя — всё равно, что самому умереть.

- Ты умрёшь. Но не прежде, чем разделишь эту любовь так щедро, как сумеешь. И, видишь ли... Не всё умирает... Я не покину тебя, если только ты не уступишь всего себя скорби. Я тоже тебя люблю... А это чувство как раз из тех, что бессмертны. Я знаю, о чём говорю.

Молча качал головой внимающий, тщетно стараясь вместить его слова, в истинности которых не сомневался, а жало их продолжало терзать сердце.

- Мне нужна твоя помощь ещё в одном деле... Мы успеем поговорить об этом.

Там, на окраине его внимания совершались какие-то действия, влекущие его к гибели. Человек не очень понимал, какие именно, но вникать в них было поздно, да и скучно.

Последний свой долг здесь, в миру он исполнил. И испытал неожиданное облегчение, хотя озноб всё ещё его не отпускал.

Ночь предстояло провести по обыкновению в саду, среди деревьев.

Сон овладел большинством, как только они улеглись под серебрившимися в лунном свете листьями олив. Лишь один, не смыкая глаз ждал от учителя продолжения застольной беседы. Не желая тревожить уснувших, и даже испытывая благодарность за их согласие освободить его от своего внимания, человек выбрался на открытую поляну неподалёку и присел на крупный мшистый камень. Спутник его остался стоять.

Связь его дара с неминуемой кончиной была ясна. Неведомым оставался смысл — и дара, и кончины для продолжавшегося бытия, готового слотнуть их вместе с трепетом жизни, спазмами страха, счастьем легкого и жаркого прикосновения отцовской руки и предвидением по-прежнему беспорядочного развития этого самого бытия на необозримые сроки.

Он вспомнил, каким был в последние несколько месяцев и, не узнав себя, ужаснулся. Оказывается они всё-таки вынудили, заставили его выговаривать то, что не имело отношения к сути. И слова становились всё жёстче и острее. Пока, наконец не вырвалось однажды гневное: «Горе вам!..» — а он уже и не смутился

тогда. И не позаботился оспорить чудеса, которые ему приписывали — очень просили, утверждали, что это поможет, облегчит распространить учение.

Наверно, это было ошибкой. Гнев...

- Сядь. В детстве я очень любил читать списки сказаний. Особенно одно из них. Там описывались страшные, бесчеловечные картины. Ужас пробирал от этих сверхъестественных видений. И всё — огонь, огонь, огонь, кругом огонь. Мне не очень верилось, что всё это буквально может быть. И вдруг — от простой подробности охватывало чистое чувство правды. Послушай.

Когда могучие падшие ангелы натворили на земле гнусных дел и подверглись гневу Господнему, стражи неба призвали обыкновенного человека, писца, и повелели ему возвестить преступникам высшую волю. Обречённые духи устрашились, и трепет объял их. И они просили этого человека, жалкую персть земную, написать за них просьбу, чтобы чрез это они обрели прощение, и вознести их просьбу на небо к Богу. Ибо сами они не могли отныне ни говорить с Ним, ни поднять очей своих к небу от стыда за свою греховную вину, за которую были наказаны.

И что же? Этот верный раб Божий составил им письменную просьбу и мольбу относительно состояния их духа и их отдельных поступков и относительно того, о чём они просили, чтобы чрез это получили они прощение и долготерпение. И даже решился представить прошение небесному Престолу.

Вот каков есть человек — открывалось мне! Сколько добра и сострадания способен он вместить! Это должно быть правдой. Такое нельзя сочинить, верно? Это уж не огонь всепожирающий...

Но прошение действия не возымело. И что же велено было передать просящим?

«Ступай, скажи тем, которые послали тебя, чтобы ты просил за них: вы должны попросить за людей, а не люди за вас». Вот как! Стало быть, и Господу ведома была эта душевная щедрость и бескорыстие человека.

И так свершилась воля Всевышнего. «Я написал вашу просьбу, и мне было открыто в видении, что ваша просьба не будет для вас исполнена до всей вечности, дабы совершился над вами суд...».

А скорбный упрёк им посланник скрыл, наверно не желая уязвить их совесть ещё одним грехом. Они и так обречены были пострадать без меры.

Удивительные подробности! Они и укрепляли мою веру в человека. И о ней должно повествовать учение. Понимаешь ли ты это?

- Страшусь понять... Не веру твою понять, а не укладывается в моей голове, что такое учение может встретить ненависть и насилие. И что проповедь его, чтобы победить, тоже должна обзавестись собственным гневом и насилием...

- Такое понять трудно. Мне это тоже не всегда вместимо... Но получается, что никакого иного пути пока не дано? А вести всех под руку Божию надо...

- О, как бы я хотел, чтобы Господь исправил пути! Прямо сейчас! Чтобы тебе не покидать нас...

- Хотел бы и я, чтобы отпустила меня эта дрожь... Я не хочу умирать, брат...

- Проси Отца! Вместе будем просить. Не может быть, чтобы Он учинял такое горе...

- Это не Он. Лишь извилистые тропы мира здешнего. И о таком просить Его нельзя, как и о любом чуде. Всё стало бы слишком легко и пусто, и ни в ком из нас у Него не оказалось нужды... Не следует обманывать Его ожиданий. Но мне становится особенно тяжело, когда я боюсь, что не могу надеяться на вас. В вас теперь спасение моё. Больше мне рассчитывать не на кого. Спасибо тебе за крепость... и за слёзы...

Вскоре время остановилось и, вместе с тем, стремительно понеслось. Из кратких мгновений, когда сознание его прояснялось, запомнилось живое тепло тела того, который подошёл и назвал его, и которого он крепко обнял, чувствуя, что это последний человек, с которым дано обняться...

Стало шумно, его связали, повели в дом, где шум многократно возрос. Человек плохо улавливал суть происходящего, только отдельные слова: «Соблазнитель». «Посягательство». «Разрушить храм ...».

Он никогда не восставал против храма. Но люди сравнивали: «А как же, мол, Закон говорит «суббота»? Приходилось пояснять, и получалось вразрез с учением Закона. Пустое...

И ещё: «Мессия, помазанник, царь...».

Ничего не объяснить...

Ночью в узилище он спал тяжёлым, вязким сном без сновидений.

Утром его привели к наместнику. Поднимаясь по ступеням, он обернулся и увидел восходящее солнце, вспомнив, что вчера пропустил закат, видимо последний в жизни.

Вот и последний разговор с человеком. Этот важный чиновник, с умными, внимательными глазами, умело скрывал отвращение к своей незавидной, судя по всему, должности. Вопросы его скользили мимо ушей и ответов не требовали. Но показалось человеку, что между ними возникло нечто вроде взаимопонимания. А что делают, всё ещё не понимают. Вот наместник, как будто, догадывается, но действовать это не мешает... Сколь же беспомощны и самые сильные, втянутые в этот круговорот! Ведь может быть совсем иначе: ты — и лист, и ветер, который его гонит... Но пора иносказаний прошла.

Неожиданной лаской одобрения, он вновь ощутил похлопывание по плечу лёгкой, горячей руки...

Привиделась долгая грядущая тьма на Земле, и он испытал печаль и вместе с тем — облегчение, что не придётся ему жить в это время.

Дорога к холму была недолгой. Или долгой. Он перестал чувствовать время.

Потом ему подали чашу – добрый жест высокой цивилизации — напиток смертного часа, предназначенный облегчить страдания. Он отказался. Пока было не очень больно. Хотелось дожить, не дотерпеть...

Боли от гвоздей, которая так мучала его в прежних видениях, он почти не почувствовал. И с любопытством глядел на свои, бессильные теперь руки, из которых он не сумел сделать хорошего употребления.

...На место жалких сумерек, которые мы называем днём, живой и чистый свет засияет с вышины... И люди, увидя друг друга при этом свете, скажут: «Мы не знали ни самих себя, ни других; мы не знали, что есть человек. Теперь мы знаем...».

Прошло много времени, никак им не сосчитанного. Сознание угасало. Потом он услышал, наконец, гром. События себя исчерпали, и время исчезло окончательно.

- ...

- ...

- Bravo...

- ...

- Bravo, bravo. Ты, оказывается, к мифам равнодушен.

- Это, может быть, сюжет из истории другой вселенной.

- Вот как. И там потёмки... Но ты называешь героя «человеком»...

- А ты как бы предпочёл его назвать? Человек — и в вашей вселенной явление довольно редкое.

- Ладно, я понял. Мы далеко продвинулись, распятыя нам не грозят.

- Распинают пока ещё направо и налево. Можно, правда, уже без них обойтись... Я не буду тебя насиловать, но, поскольку ты кое-то замечаешь, хочу освободить тебя от лишних впечатлений. Просто, чтобы тебе легче было решения принимать.

- ...Мне надо покурить.

XI

- Время ты назвал правильное.⁷ В начале прошлого века, в самый короткий в истории срок случилось много крутых перемен в самых разных областях жизни. Возможно, это было второе, уже массовое грехопадение – или великая погрешность, промах. Все это было колоссальным прогрессом – в науке, технологии, производстве и потому выглядело, как нечто положительное. Но, совершаясь одновременно, эти достижения повлекли за собой перемены в социальной организации общества и, на более глубоком уровне – в сознании, в способах освоения человеком действительности.

Я говорю о генетике, квантовой механике, теории относительности — всё это до сих пор вызывает у вас чувство замешательства. А ещё – автоматическое оружие, новый транспорт, подводный, воздушный, и главное – массовое производство, которое привело вдруг к возникновению неведомой ранее, огромной категории людей, не принадлежащих ни к одному из известных классов или сословий, и к потребности как-то этих людей вновь организовать в пределах существующих государственных образований.

Объяснить с помощью традиционных способов мышления практические результаты этих новшеств было невозможно. А поскольку они стали быстро приобретать катастрофический характер, необходимо было как-то к этой новой действительности приспособляться, и люди стали лихорадочно сочинять новые теории. Самым успешным для всеобщего употребления оказался довольно примитивный, но большинству понятный способ рассуждений, получивший название «идеологии». Разум растерялся и наспех выработал несколько схем, чтобы этот внезапно усложнившийся мир упростить. То есть, от основной своей работы — поиска истины — он уклонился. То, что объединило людей, чтобы они могли стать гражданами нового общества, не должно было быть истинным – только эффективным.

И явился новый человек – Ницше назвал его «полым» – удовлетворившийся таким упрощённым способом освоения мира. Он не затруднялся усилиями работы над самим собой. Так просто – думалось что-то, во что-то верилось, и больше ничего. Это и есть полый человек. Не сам, а кто-то о нем заботится.

В мир вошло что-то похожее на разум, но разумом не являющееся.

А система общественных связей, внутри которой люди оказываются, какая бы она ни была в любой данный момент, непосредственно недоступна их пониманию, непрозрачна. И предстает прежде всего в том виде, в каком человек освоил её практически. Он живёт в идеологии, в экономике, в культуре, в политике, в философии и так далее, но сам исторический факт случается не в этих разделах. Иными словами, исторические проявления жизни совершаются вне и

помимо каких-либо расчленений. И при кажущемся порядке неосознанные силы продолжали двигать мир в катастрофическом направлении.

Теперь я могу ответить на твой вопрос.

Может ли «сеанс» кончиться? Нет.

Ты спрашивал о защитном механизме. Я упомяну только о наборе начальных параметров — ваши учёные заговорили о них сравнительно недавно, назвав это «тонкой настройкой». Вам ещё неизвестно огромное количество отдельных явлений или свойств материи, но их вы постепенно пооткрываете. Гораздо важнее — многие уровни этой настройки, из которых сейчас вы освоили, может быть, ну, я не знаю — одну шестнадцатую.

Дело тут не во мне. Вы не знаете, как устроена вселенная и потому не можете её уничтожить. Когда сама мысль об уничтожении не способна будет прийти кому бы то ни было в голову, вы начнёте приближаться ко Всеобщей теории. Не забывай только о неустранимой нравственной основе, чтобы тебя не смущала кажущаяся невероятной технологичность такой преобразённой вселенной. В ней живут люди, не биологические роботы и не гибриды.

- Извини, но ты её видишь?

- Видеть – это ваше преимущество. Я «не вижу» ничего. Да и ты наверно не сразу увидишь, хотя можешь в ней неожиданно оказаться — это имеется в виду, когда говорят, что царствие Божье приходит неприметно. Я даже могу предположить, что, уже оказавшись в нём, ты будешь принимать его за нечто другое, вновь не совсем тебя устраивающее. Знаю, однако, что такая вселенная возможна. И был момент, когда ты это знание со мной поделил. Потом на тебя свалилось неисчислимое количество других знаний. Ты стал себя жалеть, винить в том, что согласился, и назвал это грехом. Это не грех, это редкий человеческий подвиг. Печаль, с ним связанную, я испытываю наравне с тобой – по-своему, конечно. Хоронить близких мне не приходится. У меня их нет..

Теперь — о спасительной роли художественного творчества. Ты определяешь рассеяние, убывание творческой энергии очевидным для тебя отсутствием так называемых «наследников». Речь, повидимому, идёт о том, что перестали появляться общепризнанные, значимые и влиятельные фигуры в разных видах искусства.

А в чём выражается это отсутствие? В ослабленном внимании прессы? Во внезапном сокращении их публичного представительства? Явление таких сильных, авторитетных фигур всегда было в гораздо большей степени связано с общественным мнением, чем с их собственной значимостью и глубиной. Многие из них и сами обращали на это внимание. А мнение это, в свою очередь, обычно формировалось за счёт побочных, не имеющих к самому творчеству

обстоятельств.

Часто твоё мнение и оценки тех, кто способен по достоинству оценивать гения, совпадали с общественным — но всегда ли вы отдавали себе отчёт в том, что природа этих мнений различна? Вот не нашли, кому очередную Нобелевскую премию вручить... Такой ужас! Нынешняя разобщённость, чрезмерное увлечение знаменитостями совсем другого рода, наверно и ещё какие-то причины сильно ослабили возможность более или менее единой общественной установки. И из внимания общества ушли художники — кстати, совершенно для него безболезненно, так как и прежде их ценность для него была условной. Подлинное значение искусства всегда сознавали лишь немногие. Готов ли ты с уверенностью утверждать, что великих художников сегодня нет? Возможно, их нет для большинства, а ты просто о них не слышишь, ещё не знаком с ними.

Вспомни о том, как сознавали своё положение все прежние, которых ты так ценишь. Цветаева ссылалась на Монтеня, ссылавшегося, в свою очередь, на Сенеку, а тот — на Демокрита, а Демокрит не мог даже назвать истинного автора, который на вопрос — зачем он с таким усердием занимается искусством, которое дойдёт лишь до немногих, отвечал: «Довольно с меня и немногих, довольно с меня и одного, довольно с меня и ни одного...».

Что же касается вдохновения, тебе не нужно спрашивать об этом меня — спроси тех, кто его взыскует, когда их найдёшь. Я не волен давать его или в нём отказывать. Его можно только взять, принять, и это зависит от них.

И наконец — вот эти миллиарды. Это живые существа, безусловно. Но люди ли они? Я говорю даже не об отъявленных злодеях, эгоистах, убийцах, а об обычном человеческом существе, рождённом куском плоти — на большее природа не способна. Но это ведь ещё не человек. Вас умиляет чистота и невинность младенца. Столь же умилительны котята и щенята. Природа щедра, избыточна. Ты убиваешь моль или муравья, который ползает по твоему столу и тебя раздражает. Тебя не пугает, что ты вмешиваешься в жизнь мироздания. Ты ведь уже знаешь, что всё в нём взаимосвязано. Но это убийство, конечно же, мироздания не остановит и не уничтожит, как и убийство диких и домашних животных, хотя попытки эти — потенциально разрушительны. Само действие, идея его преступна — если ты способен ужаснуться насилию над добром, благом. А природа тебе это преступление прощает. Она даже до некоторой степени рассчитана на твоё неблагоразумие — на эпидемии, на неизлечимые до поры до времени болезни — оттого и должна быть избыточной. В конце концов, стихийные катастрофы человечество ведь не погубили. Можешь ли ты развить свои разрушительные инстинкты до такой степени, чтобы они стали угрожать самой природе, преодолеть, так сказать, её рефлекс самозащиты? Теоретически — можешь. Но, чем ближе ты будешь продвигаться к этому безумию, тем очевидней тебе будет становиться, что ты убиваешь самого себя. Тебя просто начнёт неудержимо

тошнить. Тут и твоя животная природа сыграет свою необходимую роль.

- Значит, так-таки все разом и поглупели?

- Очень многие. Были и такие, кто не утратил интуиции и не прекращал работу. В том числе те, о ком ты справедливо отзываешься с благоговением. Они как раз уловили, что проблема требует какого-то нового усилия – не просто напряжения мысли, а своего рода переориентации. Что человек должен что-то с собой сделать. Не с самой проблемой, а с собой, пытающимся её понять.

Когда смотришь на картины импрессионистов, ты должен с собой что-то сделать, чтобы увидеть, что там есть. Это не похоже на созерцание полотен Рафаэля или Леонардо. Стравинский и Бетховен. Диккенс и Кафка. Не хорошо или плохо. Иначе.

Сделать что-то с собой — это и есть вечная ответственность человека. Мыслить так, чтобы все в мышлении принадлежало ему самому, тому, кто мыслит, и не оказалось бы игрушкой других сил. И этого нельзя сделать раз и навсегда, нельзя раз и навсегда открыть глаза, приходится их открывать каждый раз, когда нужно.

- Что-то не очень у них получилось.

- Да, пока силы оказались неравными.

- Ну, и что теперь? Ждать? Биологов, новых художников...

- Что ты испугался — неплохо. Жаль было бы, если бы ничего не заметил. Не ждать. Жить, искать, думать. Но в основном — ясно видеть, что следует воспринимать всерьёз, а к чему следует относиться полегче, как советуют тебе твои праведники. Ты в их «реальности» увидел «всю» реальность и отшатнулся — справедливо отшатнулся. Но они не очень внятно выражаются. Они не всю реальность имеют в виду, а только ту, что создана вашими неумелыми руками. Её бояться не стоит. Ну, и самого страха тоже бояться не надо...

ХП

- Как? Ещё? Я уж подумал было, что ты попрощался таким зверским, английским способом.

- Сумрак. Потёмки. Вот о чём я хотел бы ещё сказать. Иногда они наступают медленно, иногда вдруг. Но и в том, и в другом случае человек приспособливается и со временем привыкает к ним, как к естественным обстоятельствам. Кое-что он продолжает различать и в сумерках, остальное исчезает из виду и забывается. Если такая жизнь длится долго, внезапный свет может оказаться болезненным, даже вредным. Ты ведь понимаешь, почему после снятия катарракты врач просит тебя несколько дней поносить тёмные очки. Наверно это имел в виду тот, кто говорил об очищенной истине, которая может быть опасной для устраивающегося мира — он устраивается в сумерках. Разница в том, что, надевая тёмные очки, ты знаешь, что делаешь. И сам определяешь момент, когда их следует снять. По этой же причине мгновенный проблеск истины способен испугать предчувствием слепоты. Это может быть всего лишь инстинкт, и благословен будет лекарь, который найдёт подходящее средство на время ослабить эффект, облегчить путь к полному излечению. Он сумеет и показать тебе свет, и научить пользоваться очками — продуктом вашей же собственной изобретательности.

Помимо нового искусства, одной из попыток овладеть ситуацией было открытие, которое в своё время не произвело должного впечатления. Оно находилось на границе науки и философии и получило название Принципа дополнительности. Наукой оно было более или менее принято, но его глубокий смысл до сих пор ещё полностью не освоен. Автор его ⁸, возможно, и сам не отдавал себе отчёта в важности своего прозрения. А если отдавал, то не сумел или не успел его как следует обосновать.

Смысл этого нового взгляда на мир в том, что почти во всех, рождаемых сознанием идеях, может быть крупинка истины. В одних она больше, в других меньше, и тот необходимый, новый подход к освоению действительности — новая парадигма, если уж пользоваться этим страшным словом — заключается в том, чтобы держать эти идеи в сознании одновременно, не придавая ни одной из них абсолютного значения. Это не ослабит твоей привязанности к той из предлагаемых идей, которая кажется тебе наиболее верной, но избавит от надрывности, неистовства, с которым ты готов отвергать все остальные. Тут, может быть, следует ещё раз вспомнить метафору о художественной галлерее, где не заслуживают быть лишь явно плохие, бездарные полотна.

Изредка возникают, конечно, идеи совсем губительные, бесчеловечные. И иногда они настолько овладевают умами, что им хватает сил осуществиться в

отвратительных деяниях. Но это рано или поздно проходит. В таких идеях не может быть настоящей жизненной силы, чтобы внедрить их в бытие на сколько-нибудь долгое время, уж не говоря о том, чтобы они окончательно подчинили себе мироздание. Я не хочу сказать, что ты в этом процессе не участвуешь, что добро побеждает само по себе. Оно нуждается в тебе и одерживает верх твоими руками. Но это редкая, крайняя ситуация. Врождённое нравственное чувство никогда не позволит живому — не полному — человеку впасть в заблуждение по поводу такой вредной идеи. А призраков подобных идей пугаться не стоит.

Овладеть этим новым состоянием сознания не просто, потому что оно противоречит долгим трудом добытому привычному способу. И прежде всего — правилу исключённого третьего: «из двух противоположных высказываний одно истинно, другое ложно, а третьего быть не может».

Но вот, новый вопрос «волна или частица?» в применении к атомному объекту уже неправильно поставлен. Таких отдельных свойств у элементарной частицы нет, а два дополнительных свойства атомной реальности нельзя разделить, не разрушив при этом полноту и единство явления природы, которое вы называете атомом...

Атомный объект — это и не частица, и не волна, и даже ни то и другое одновременно. Атомный объект — это нечто третье. Это атомное «нечто» недоступно восприятию ваших пяти чувств, даже приборов, и тем не менее оно реально. И разум, опираясь на опыт, даёт возможность познать такую реальность и без прямого её восприятия.

Это, конечно, посложнее вращения Земли. Наука ваша тоже бьётся над освоением этой реальности, хотя тщательно скрывает свою растерянность. Кому из вас первыми удастся это восприятие усвоить — естественным образом, без судорожного напряжения уже известных средств — вопрос открытый. Да это и не важно. Вы просто поможете друг другу.

Мешает всего лишь робость, недооценка возможностей своего разума и ещё страх — ложный страх, что как только ты ослабишь хватку, всё рухнет. Ты, кажется, с уважением помянул человека, который настаивал на необходимости безостановочного поиска истины. Но ведь это он же утверждал, что такой поиск неразрывно связан с угрозой «небезопасного положения» — так он это называл — и что долг человека пренебречь этой угрозой.

Мир прекрасен и разнообразен. Не порядок и целесообразность его, а красота и мощь, укоренённые в творческой природе. Нельзя отрывать красоту, от мощи, властности. Прислушайся к языку: слово — не пустяк. Хорошее произведение называют «сильным» — даже сугубые эстеты. Плохой поступок — «некрасив», даже в устах крайних моралистов.

Понаблюдай внимательно, как жизнь, с твоим минимальным участием справляется с уродливыми явлениями. Какую спокойную силу являют собой

отдельные спонтанные протесты, возникающие в обществе по тому или иному досадному поводу. Они чаще всего не приводят к немедленному результату и не останавливают зло — хотя нередко приводят к его ослаблению. Но все вместе они как раз выражают собой жизненную мощь вселенной, не присваивая себе задачи окончательного разрешения всех проблем, не ставя сознательно этой цели и даже не догадываясь об истинном смысле своих действий — определяя их каждый раз всего лишь рамками отдельного случая.

Где-то в начале нашей беседы ты осудил ваше существование, как бесконечное терпение. Это, действительно паскудное состояние возникает, когда ситуация тебя не устраивает, а исправить её нельзя. И остаётся ждать, когда она сама рассосётся – терпеть. Я бы слово это вообще упразднил, как устаревшее, не означающее ничего полезного. Ты попал в пробку на дороге. В чем дело, и сколько ты в ней прстоишь – неизвестно, может быть, не один час. И ты изнываешь – терпишь. А на самом деле бытие тычет тебя носом в простейший факт: оно изымает тебя из бесполезной в этот момент действительности, отбирает у тебя возможность в ней участвовать. Оно предлагает тебе попробовать на вкус его тайное поступательное движение, в котором ты можешь участвовать только как наблюдатель или, если сумеешь развить в себе особое чувствилище – как его волна. В другое время тебя от этого отвлекает множество обстоятельств. Можешь считать, что в эти часы твоё сознание целиком понадобилось Высшему Разуму, чтобы что-то в нём усовершенствовать, осуществить необходимые вам обоим глубокие перемены. Беспомощность, которую ты в этот момент ощущаешь, это свидетельство непосредственной связи со всемогущей силой.

Один из восславляемых тобой светочей человечества⁹ называл такое состояние «пассивой ночью»: «Душе кажется, что Бог её больше не слышит. Она не может молиться, ни присутствовать со вниманием на богослужениях. Ещё менее в состоянии она заниматься земными делами. Но это потому, что Бог присутствует и творит в душе, поэтому душа в бессилии».

Ты никуда не опоздаешь. А если и не успеешь сделать нечто, по твоим представлениям, важное – это станет ещё одним новым, обогащающим твою жизнь опытом. Даже если это опыт скорби.

Проще говоря — да, молчи, если молчит, но не надрывайся, не истощай свои силы в противостоянии действительности, как она есть, в целом. Предоставь бытию развиваться самому по себе. Ты заметишь, когда оно впадёт в крайность и потребует твоего вмешательства — как оно, собственно, и происходит уже. А в остальном — доверься ему. За ним стоят силы непомерно более могущественные, чем у тех, кто пытается его уродовать. Оно сумеет за себя постоять.

ХІІІ

Фест: Безумствуешь ты, Павел! Большая учёность доводит тебя до сумасшествия.

Павел: Нет, достопочтенный Фест, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто, ибо это не в углу происходило.

Деяния Св. Апостолов, 26.

- Чего-то ещё от меня ждёшь?

- Не то чтобы так уж буквально жду... Но кажется иногда, что и ты мог бы пошевелиться. Потеребить что ли эту тёмную материю, чёрные дыры эти... Или где там источники энергии застряли? Короче говоря – слишком мучителен разрыв между неторопливым, незаметным разворачиванием твоего бытия и моим коротким веком... Ладно. Хорошо... И при всём при том... При всём при том... Ты вот не должен был приходить, а пришёл. Так заступись за меня перед самим собой! Тот первый, кто тебе возразил, он ведь о чём плакал: «Что такое человек, что ты столько ценишь его? И каждое мгновение испытываешь его? Доколе не дашь мне проглотить слюну мою?.. Зачем ты поставил меня противником себе, так что я стал самому себе в тягость?.. Ибо, вот, я лягу во прахе; завтра поищешь меня. И меня нет...». ¹⁰

Так ли уж тебе ловко станет, когда меня не будет?

- Эти сентименты я, пожалуй, пропущу. В твоих же интересах.

- Есть ли хоть какие-то приметы, какое-нибудь подтверждение всему, что ты наговорил?

- Под самым носом у тебя примета — вот эта ложбинка над верхней губой, где тебя перед самым твоим рождением коснулась богиня Ночи Лейла, чтобы ты забыл всё, что тебе было известно прежде. А ложбинка осталась. Для красоты. И чтобы ты всегда мог вспомнить. О богине Ночи...

- Опять миф...

- Да. В том, что я тебе сообщал, вообще нет ничего такого, чего не существовало бы уже в вашем мире. Кое-что из этого известно тебе самому. Наверно ты заметил, что я даже назвал несколько имён. Другие утаил, чтобы у тебя не возникло подозрений, будто я предлагаю список обязательной литературы.

Я ведь не открываю тебе никаких рецептов, никаких магических способов справиться с твоим состоянием или наладить текущие дела в мире.

Я клоню вот к чему. Перед тобой как бы готовый мир. И чтобы справиться с кажущимся безвыходным положением, надо этот мир мысленно раззять на отдельные, не связанные друг с другом составляющие — вернуться к хаосу своего рода, который предшествовал этому образовавшемуся положению. Капитализм... социализм... авторитаризм... демократия... К каким-то изначальным условиям, которые затерялись в лабиринтах уже данного мира, к миру случайному, в котором ни одна из частей не имеет привилегий перед другими.

Для этого тебе придётся лично стать на определённое место, которое лежит, конечно, вне готового социального мира и соответствующих ему представлений, и само является условием появления тех или иных социальных миров. В этом тебе предоставлена полная свобода, если ты готов ею воспользоваться.

Хаоса бояться не надо. Он полон жизненной силы и ждёт лишь твоей воли, чтобы организовать тем или иным образом.

Только действуй не рассудочным анализом, а ярким чувственным представлением о Бегемотах, Левиафанах, ликующих утренних звёздах и отказом жить по законам этой сложившейся, искусственной, проблематичной системы. Не сражайся с ней, а перестань её совершенствовать.

- Это место... Ты говоришь, оно лежит вне готового мира. Где же?

- В традиционном классическом обществе существовал такой минимум людей — такая особая категория. Это могли быть философы, художники, писатели и так далее. Древняя интеллигенция. По существу это была совесть народа, люди, взявшие на себя труд осмысления жизни, которая не так легко поддаётся осмыслению. Поскольку ни у кого не возникало сомнений в том, что они приобщены к внутреннему, истинному строению и плану мира, они пользовались всеобщим уважением и благодарностью. Люди понимали — эти неприкаемые делают за них работу, к которой сами они иногда не способны, а чаще всего не склонны. И в целом они незаметно занимались воспитанием человечества. Такая роль была за ними закреплена по всеобщему согласию. Но вот в тот самый критический момент истории, о котором мы с тобой говорили, один дерзкий ум громко спросил: а кто воспитывает воспитателей? Раньше этот вопрос не вставал. Но просившуюся к столу идеологию прежнее воспитание не устраивало. Ей требовалось сразу много воспитателей, которые способны были «воспитывать»

быстро. Это сразу перекрыло связь с Высшим сознанием, поскольку предполагало, что истине можно научить, тогда как научить можно лишь искать истину. Новых воспитателей стали производить массовыми тиражами, прежние оказались вытесненными, потеряли свой статус, и начались произвол и неразбериха. В нынешних общественных структурах этой классической категории людей не предусмотрено. Но это не значит, что она исчезла как таковая. Просто это место оказалось пустым, не принадлежащим ни одному общественному устройству. Может быть, это одно из тех мест, куда следует встать.

- Нет... Тут что-то не так. Это, по существу, то же самое, что предлагают праведники, ухитрившиеся набраться адского терпения и жить в ладу с самими собой. Признаюсь тебе – вопреки всем моим возражениям, у меня сейчас сильное искушение им уступить... Только для очистки совести я себе позволю в последний раз объяснить, почему мне не хотелось бы ни следовать им, ни даже завидовать. Потому что тогда они правы, и единственное, что может побудить полового человека встать на путь, который ты описываешь, это сильная встряска. Чтобы звон его собственной пустоты напомнил ему, что хорошо бы её чем-то заполнить. И потрясти придётся значительную часть миллиардов, а, стало быть – новая катастрофа. Иначе это неторопливое развитие уходит в бесконечность и, в отношении человеческих судеб, никаким развитием уже и не выглядит. Этот, утекающий из рук процесс как раз и лишает меня способности радоваться жизни. Так мы возвращаемся к самому началу нашего разговора. До сих пор ни одна катастрофа не сработала. Оставаясь в рамках новейших научных истин – какова вероятность, что следующее несчастье выполнит свою драконовскую роль?

- Нетерпение тоже никогда не приводило ни к чему хорошему.

- А я не о нетерпении говорю. Оно – лишь нервическая форма терпения, которую ты как раз рекомендуешь упразднить. Речь идёт не о суетливости и поспешности, а о твёрдом убеждении, что развитие продолжается. Откуда ему взяться?

- Если бы я сказал, что тебе никаких примет развития увидеть не суждено, но уже следующему поколению или идущему за ним эти приметы станут очевидны – такое моё свидетельство тебя бы ободрило?

- Вполне. Но ты этого не говоришь. Да и знать не можешь – слишком много воли нам предоставил обманывать твои ожидания...

- А свою волю ты на что употребляешь?

- Нету ей применения... Не нужна она мне, оказывается.

- ...

- ...

- Занимался бы ты тем, что умеешь делать лучше всего.... Может сам станешь приметой.

XIV

...Дыхом-пыхом – дух!
Одни – поножи.
Догоняй, лопух!
На седьмом уже!
М. Цветаева

- Хочешь ещё каким-нибудь сказанием поделиться?

- Нет. Боль не проходит... Теперь, может, в самый раз услышать от тебя – что же делается там, по ту сторону... Не потому, что хочу знать, что ждёт меня. Я готов к чему угодно. Но вот я здесь, а они – там... И как же с этим быть?

- «Там»... Трам-тарарам-там-там... То, что ты готов – это хорошо. А на чём зиждится такое твоё бесстрашие?

- Я не знаю, обладает ли какой-либо ценностью мой земной опыт. То есть, сам я сомневаюсь, но это значения не имеет. А есть ли тут что-то ценное для Бытия, я знать не могу. Так что, если есть, значит оно и останется со мной. Если нет – такова, стало быть красная цена моей жизни.

- Понимаю. Ну что ж, в таком случае и я не стану ничего сочинять. Ты уж познакомился, я думаю, со всеми предвидениями. Вы усердно мучаете ими воображение своё. А отчего они тебя не устраивают?

- Все они исходят из представления о том, что человек нуждается в утешении. А какое тут может быть утешение? Зачем оно?

- А что если мы начнём не с утешения, а с побуждения?

- ...

- Страдание, которое ты так упорно защищаешь, продолжается. Тебя смутила его особая форма, с которой ты столкнулся. И ты прав в том, что похожий и даже превосходящий опыт других ничего тут не объясняет. Боль твоя никуда не денется и не ослабнет. Привыкай к тому, что она – часть нового опыта. Не сократившегося, не ущербного, а нового, прежде тебе неведомого.

Ты узнал земную любовь. Ты отдал ей всё, что у тебя было и взял у неё всё, что она могла тебе отдать. Наверно тебе понравилось бы длить это чувство полноты, но вы оба готовы испытать нечто ещё более волнующее... В конце

концов, вашему опыту недоставало только отчаяния утраты. Теперь тебе повезло познакомиться и с этим чувством. Возлюбленной твоей, может быть, такое переживание было и не нужно. Или она уже сумела его испытать по-своему, благодаря особенностям своего дара и характера. Но, как во всём остальном безбрежном бытии, и такая полнота не окончательна. За ней следуют новые чувства и новые откровения. В этом новом положении, пока ты жив, а она – нет, у вас всё ещё есть возможность многое изведать. И тоска твоя выстелена чистым золотом. Она ушла вперёд. Тебе ведь пригрезился какой-то туманный проспект. Надеюсь, ты не выдумал его. И, можно сказать, пообещал ей прогулку... А сам улизнул. Поспешай вслед.

- Тут стена. Край...Ты же не самоубийство предлагаешь?

- Во всём остальном ты широк, открыт. Здесь ты уверен, что тебе известно всё. Как же так?

- Побуждаю тебя как-нибудь внушить мне то, что неизвестно.

- Край... Ты думаешь, в основном, о себе, о своей невозможности увидеть, услышать, коснуться. Они ведь испытывают те же ощущения преграды. Разница между вами в том, что они всё про вас знают, у них есть опыт земной жизни, лишь способы его приобретения для них исчерпаны. У вас же их нового опыта нет. Только и всего. Они к встрече готовы. Если, конечно, не потеряли интереса к вам – ты можешь себе вообразить, что такое случилось с ней? Что она тебя забыла? Оставила?

- ...

- То-то и оно. И у тебя больше возможностей удержать ваш союз, чем у неё. Она вернуться не может, а у тебя всё впереди, тебе можно потихоньку – или во всю мочь – её догонять. Как только ты решишься.

- Завораживающе. Но снова «прыжок веры». Ну, вот я решился. Дальше что?

- Прыгать тебе, может, и не нужно. Тем более, что прыгающие у тебя на подозрении. В любом случае, этот волевой манёвр – тоже метафора. Он только описывает два состояния, не имеющие общих характеристик. Почти как волна и частица. Поищи третьего.

Мне запомнилось одно место в нашем сочинённом споре, когда ты вспылел по поводу того, что, мол, хватит уж ссылаться на непостижимость последней

тайны мироздания, что это псевдо-глубокомысленное заявление чаще всего становится уловкой тех, кто сам охотно берётся постигать, а, будучи загнанным в угол – обрывает разговор.

Почему бы тебе не развить собственную догадку?

Человек не оставляет надежды описать сущность незримого здесь, в земной жизни, используя для этой цели иносказания, притчи, символы, образы, но тут же прибавляет к каждой попытке пояснение: это, мол, ещё не самое то. А то, что вы видите или слышите, или читаете – это лишь путеводный знак, указатель на то... что опять оказывается невыразимым. Это ведь и есть робкая уловка.

Что если от оговорок отказаться ?

Многие утверждают, что последняя тайна творчества необъяснима. Один даже полагал, что это самая глубокая и сокровенная из множества неразрешимых тайн: «Здесь... природа не терпит подслушивания, здесь она строго опускает свой занавес»¹¹, - говорил он.

Но вы ведь не сомневаетесь, что творчество существует. Откуда вы это знаете? Вы легко сравниваете природу, мироздание, человека с производением искусства, считая всё это продуктом творчества, но упускаете из виду важную разницу. Природа ничем не намекает на творческий процесс, тогда как произведение искусства начинается с того, что «поднимает занавес». Продукт художественного творчества самим существованием своим вовлекает в процесс творения. Недаром одним из таких продуктов тот же автор называл «волшебную строку».

Это и есть тот искомый язык, легко, без усилий выражающий недоступную тайну инобытия.

И человек слышит, «как растёт трава»...

- Вот теперь я, пожалуй, смогу объяснить, на чём ты меня поймал в самом начале, и что я так невразумительно пытался выразить. Ты утверждаешь, что гении, может быть, по-прежнему есть, но ни я о них не знаю, ни публика ими больше не интересуется. Эту версию я принять отказываюсь. Крупных талантов очень много, и людям они в той или иной мере известны. Они составляют могучий, необходимый и всё ещё живой художественный фон, иначе мы превратились бы в стадо. Но я имел в виду не тех, кто наделён талантом и обладает высоким мастерством. Я говорил о редком даре – способности приоткрывать окно, сквозь которое начинает безостановочным отныне потоком вливаться в нашу жизнь свежее устойчивое чувство гармонии и красоты. Возможно, этот дар и не связан со вдохновением, а лишь с особым устройством такой личности. Я готов взять назад свой упрёк тебе. Но стою на том, что такие люди появляться перестали. И не знаю, можно ли считать это нашей виной. Во всяком случае до сих пор этот поток не прерывался – новая волна зарождалась

заранее и всегда была готова прийти на смену. «Как растёт трава» мы без ни не услышим...

- Ох, это такая таинственная вещь – откуда они берутся. Пожалуй, тоньше самой тонкой настройки. Скажу одно: это чудо для меня самого. Мне остаётся лишь гордиться, что в этом мире оно оказалось возможным. Может быть, этой силе – которая, конечно же никуда не делась – тоже пришла пора отмолчаться и переменить пути перед новым пришествием. И это уж станет вашим пришествием, что, в общем-то, было бы справедливо... Ты же вот всё помалкиваешь.

- Я не в счёт. На меня не надейся – мои способности не стоят даже упоминания.

- Что так? Горчичное зерно – не рисовое, даже не гречишное, оно гораздо меньше. Уж столько-то веры наверно можно обрести... Только не надо веру путать с желанием. Горы двигать – нелепое, вредное, в сущности, занятие...

- Ты мучаешь меня... Ты дал мне туда заглянуть однажды. Внушил мне мысль сочинить длинную историю. Даже увлечёшься предвидением, которое, к ужасу моему осуществилось буквально. И как бы говорил со мной... Иначе, как бы смог я ещё тогда описать этот мрак одиночества? До исступления доводил, и у персонажа моего рождались слова молитвы, крик отчаяния. Что же ты не приготовил меня самого?

- А где ты был всё это время?

- ...

- На что ты сетуешь? Тебе нечто открылось тогда. А если тебе этого хватило, и ты всего лишь «отписался», извлекай урок теперь.

- Да. Это – то, что ты открыл мне. Теперь, может быть, пора открыть нечто тебе. И чтобы ты услышал, наконец! Я лишаяюсь не одной, бесконечно дорогой мне жизни, а обеих. Только кончина одной – предмет широкой скорби. Её отметили и оплакали. Тогда как другая остаётся никому неведомой, ото всех скрытой, не оплаканной и ещё не разрешившейся – задержавшейся в промежутке между здесь и там. Она наступила преждевременно, и когда природа приведет её в соответствие с физическим фактом – никто не будет знать, что, собственно, оплакивать. Всё окажется давным-давно истлевшим...

- ХВАТИТ! ОСТАНОВИСЬ, НАКОНЕЦ! КАК СМЕЕШЬ!

- ...

- ТЫ ПРОВЁЛ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЯДОМ С САМОЙ ЖИЗНЬЮ, И ТЕБЕ – МАЛО? ЧТО ТЫ УСПЕЛ УСВОИТЬ В ЭТИ ПОЛВЕКА? ТЫ ДАЖЕ ЕЁ ПОСЛЕДНИХ СЛОВ НЕ РАССЛЫШАЛ!

- Тише, тише... Ты меня убьёшь...

- ТЫ УМЕРЕТЬ НЕ БОИШЬСЯ. НУ И ПРОВАЛИВАЙ. СО СВОИМ МУЖЕСТВЕННЫМ СТРАДАНИЕМ И ЗАЩИТЫМ РТОМ. РЫЦАРЬ ПРАЗДНЫЙ! КАКОГО ЕЩЁ РОЖНА ТЕБЕ НАДО? ГЕНИЕВ НЕ ХВАТАЕТ? ТЫ ТАК ПРИВЯЗАЛСЯ К ПРЕЖНИМ, ТАК ИХ ОПЕКАЕШЬ, ЧТО НИКОГО КРОМЕ НИХ РАЗЛИЧИТЬ НЕ СПОСОБЕН. ОТВЯЖИСЬ! ОНИ В ТВОЕЙ ОПЕКЕ НЕ НУЖДАЮТСЯ. ПЕРЕСТАНЬ ИХ КРОВЬЮ ПИТАТЬСЯ! ТЕБЕ ЛИ О ЦЕННОСТИ ОПЫТА ТОЛКОВАТЬ? ТРЕБУЕШЬ У ВСЕХ ПРЕДОСТАВИТЬ МНЕ НОВЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ, А ОТ СВОИХ ШАГУ СТУПИТЬ БОИШЬСЯ. И ЕЩЁ ГРОЗИШЬСЯ МНЕ ИХ ПРИВОЛОЧЬ... У МЕНЯ ТВОИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ – ЧЁРТ НА ПЕЧКУ НЕ ВСКИНЕТ! СТЫДНО ЕМУ... Я ДУМАЮ, НАСТОЯЩЕГО СТЫДА ТЫ ЕЩЁ И НЕ НЮХАЛ. С ЧЕМ ТЫ СЕБЯ СОПОСТАВЛЯЕШЬ? КАКОМУ РАЗУМУ МОЗГИ ПУДРИШЬ? ТЫ КАПЛЮ РОСЫ СПОСОБЕН РОДИТЬ?

- ...

- МИР НЕ УГАСАЕТ. НО ОН МОЖЕТ УВЯНУТЬ ДЛЯ ТЕБЯ. И Я ПАЛЬЦЕМ НЕ ШЕВЕЛЬНУ, ЧТОБЫ УДОВЛЕТВОРИТЬ ТВОИ ЗАПРОСЫ. НЕ ВИДАТЬ ТЕБЕ ПРИМЕТ – ТЫ ИХ НЕ ЗАРАБОТАЛ!

XV

Поскольку боль – не нарушение правил:
страдание есть
способность тел,
и человек есть испытатель боли.
Но то ли свой ему неведом, то ли
её предел...

И.Бродский. «Разговор с небожителем».

- ...

- Ты как будто и не приходишь больше, а так, рядом где-то слоняешься...

- А ты говоришь: «там». Сям...

- Я вспомнил: в этой компании, на которую ты намекнул, должен быть один насмешливый гений, который описал наше нынешнее состояние лучше, чем мы с тобой сумели:

...Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.

Что интересней на свете стены и стула?

Зачем выходить оттуда, куда вернёшься вечером
таким же, каким ты был, тем более — изувеченным...¹²

- Ещё один был — его я, правда, в этой компании не заметил — тот говорил, что попасть домой можно двумя способами — один из них: вообще не выходить из дому. Другой — объехать весь мир и вернуться.¹³

- Это, должно быть, ещё до катастрофы было сказано. Мы теперь изобрели третий способ: отправиться в путешествие, но при первом же препятствии — испугавшись, споткнувшись, заблудившись — поспешно броситься обратно...

- ...

- Теперь ты от меня чего-то ждёшь?

- Ну вот ещё! Мне только и заботы – тебя понукать.

- Знаешь, ты мне как-то в тягость становишься...

- Это – другое дело. Дальше сам разберёшься?

- ...

- Тогда я, пожалуй...

- ...

.....

Эпилог. ВЕНОК СОНЕТОВ

I

Жизнь кончилась. А я ещё не умер.
Но той, что называлась жизнью, нет.
Как назову провал, куда влечёт безумье,
где наш погас, а тот ещё не виден свет?

Там дней иных услужливые тени
немой толпою замыкают круг -
утратившее смысл и дух живой сплетенье,
смешенье лиц — моих друзей, твоих подруг.

И лишь последним проблеском сознанья
во тьме мерцает властная строка:
«Дан новый срок тебе и новое задание.
Последнее. Дорога будет коротка».

Быть по сему, жестокий поводырь,
агатов мелких бог и чёрных дыр.

II

Агатов мелких бог и чёрных дыр
на самом деле не даёт заданий.
Покуда мы в нужде, а чаще без нужды
калечим дивный мир земных его созданий.

Не сосчитать, в который раз уже
нам три сосны предстали тёмной чащей.
Так изошрить свой мозг, блуждая в мираже,
так душу иссушить в слепой гордыне нашей

успели мы, что хвои терпкий запах
сочли за едкий дым пороховой.
И вестник новый не придёт. Восток, и запад,
и перегретый юг, и север меховой

безмолвствуют. Всевышний командир
нам перекрыл зенит, убрал надир.

III

Нам перекрыл зенит, убрал надир
Властитель вечных сил, Творец вселенной.
И избранных детей своих освободил
от тщетного труда, от страсти вожденной

творить и тайно пробуждать в других
сознание их собственного дара.
Никто из них не помышлял ни о каких
обидах, жалобах, не поднимал скандала,

а мы по неразумной слепоте
одних успели наградить неволей,
других, оставив в нищете и немоте,
толкнули к гибели — в столице, в чистом поле,

к изгнанию... И неспеша, без шума
несет арбу в окрестностях Арзрума.

IV

Несет арбу в окрестностях Арзрума.
Взглянув на двести лет назад, вперёд,
случайный путник, встретивший её, подумал,
что мы ленивый и нелюбопытный сброд.

Наверно ошибался, ибо ныне
арбы летают наши в небесах.
И мы вот-вот, отмерив кванты на весах,
полезем строить дом в космической пустыне.

Нет, любопытства нам не занимать.
И лени в нас осталось ровно столько,
чтобы не разучиться ближних убивать,
долбить природу и не убирать околков.

А в остальном... Пока не опадут,
азалии по-прежнему цветут.

V

Азалии по-прежнему цветут.
Мы выбираем вора в президенты.
Да, нам не по душе отдельные моменты,
но, в целом, всем хотелось перемен. И тут...

«Да он же вор — он лезет вам в карман»!
«Он туп, он через день войны захочет»!
«Он упразднил закон, он утвердил обман»!
«Какой пошляк! Он развращает наших дочек!».

Зачем кричать без меры и не в лад?
Хотите заявить другое мнение?
Мы выслушаем всех. Нам свойственно терпенье.
И каждый прав. И всякой правде каждый рад.

Избыток правды сотрясает дом.
Вулкан гремит, но нам не слышен гром.

VI

Вулкан гремит, но нам не слышен гром.
Мы стали глухи к слову, тону, звуку.
И прежде были времена, когда добро
несло урон, но нам протягивали руку

владыки душ, гармоний мастера,
уча внимать звучанью мирозданья,
в прозрение преображать и боль, и страх.
Но легче обретать совсем иные знания.

Мы гнали лучших в рабство к суете,
манили славою, лишали славы,
А кто нам предлагал лишь развлеченья, тех
мы и сочли властителями душ и нравов.

Придавлено блестящим топором
Ложится в снег волшебное перо.

VII

Ложится в снег волшебное перо.
Лишь эхо голосов в эфире дышит.
Шум новостей теснит его со всех сторон,
и скоро нам уже и эха не услышать.

Книг полистав и улучив момент,
ещё рискнём мы ренессанс устроить.
Возьмём доступный матерьял и инструмент
и стадион под этим именем построим.

От судьбоносных нам остались встреч
лохмотья чувств, ошмётки потрясений.
Мы бережём не то, что следует беречь.
И слепо губим то, что молит о спасеньи.

А в жертву понесем и красоту.
Алтарь берет и смотрит в пустоту.

VIII

Алтарь берет и смотрит в пустоту.
Расставшись с тем, чему цены не знаем,
мы признаём, что Божьей искры дар потух,
и ни вдвойне, ни в срок его не возвращаем.

Оплакав тех, кто продолжал посев,
кто «до конца и до изнеможенья» -
всегда одни «из всех, за всех, противу всех» -
нас звали к творчеству, движенью, напряженью,

и видя, что за ними нет вины,
что мы не понимаем их значенья,
Господь к себе одну уводит за другим
и — медлит заменить утраченные звенья.

Пейзаж пустеет. Проиграв тюрьму,
должно быть, время вспомнить про суму.

IX

Должно быть, время вспомнить про суму,
от горя вспять отправиться к уму.
Но и распутав все концы, услышишь на ночь:
«Да нет, тут не Николка, Родион Романыч...».

Не человеком ты приходишь в мир —
зародышем, подобьем человека.
И шанс велик блаженным провести калекой
свою земную жизнь, минуя Божий пир.

Недугов и утрат отведав чашу,
тревожных чувств гармонии бежим —
они могли бы нам причины обнажить,
истоки всех утрат и всех болезней наших.

И так — в слезах листаем будней главы.
И плакать без причин не стоит, право.

X

И плакать без причин не стоит, право.
Но перекрыть дороги красоте,
и тех, кто нас в великодушной простоте
ещё старается избавить от расправы,

бесхитростным приемом устранить:
не выслушав, в неизвестность уронить,
а то и почестями откупиться щедро,
но побыстрее, не заглядывая в недра.

Терзает реквием, пытается хор,
распахивая Вечности простор.
Мглу пронизают ритм и рифма, и упрямо
из скорби райский сад выращивает драма...

Но это всё без нас, и посему
мрак день за днём удваивает тьму,

XI

Мрак день за днём удваивает тьму,
Но месяц целый дан до тьмы кромешной.
Пока ещё видны полсвета, ни к чему
волнения, ведь срок оставшийся — не меньше.

Мы всё ещё успеем осветить,
подняв проценты купли и продажи...
Но только день один лежит в пустой горсти.
Последний краткий день больших успехов наших.

Горд овладевший мудростью числа.
Но без души, без чувств, без просветленья
лихой знаток числа на путь вступает зла
и щедро сеет глупость, самомнение, тленье.

Ушли симфонии, сонеты, главы...
И нам легко — мы понимаем плавать.

XII

И нам легко — мы понимаем плавать,
быть честным понимаем и любить.
Утешна эта понимания отрава,
права дающая казаться, но не быть.

Казавшимся, не бывшим — мир враждебен,
не вечен, неразумен, некрасив.
Бесчеловечен им составленный молебен
для узника: не верь, не бойся, не проси.

А вскрой бессмертных гениев посылку —
не перечислишь всех её даров.
И можно, подождав с шампанского бутылкой,
достать и перечесть «Женитьбу Фигаро».

Не жди других — с эпохи Палестин
распахивает дверь всегда один.

XIII

Распахивает дверь всегда один,
на время всех оставив позади,
минуту угадав — не поздно и не рано,
и в неземное вслушивается сопрано.

К тональности прмериться успеv,
размер и ритм освоив постепенно,
он подпевает ей и, диву перепев,
нам всем передаёт мелодию вселенной.

Они — наш хлеб и соль, и прямота,
и совесть, и любовь, и милость к падшим...
Из этих рук полученная красота
мгновенно вызывает к жизни души наши.

И каждый, полон сил — как вы и я —
с листа читает ноты бытия.

XIV

С листа читает ноты бытия,
и связь с Создателем не порывает,
и опыт нашего земного жития,
Им не испытанный, легко Ему вручает.

Нам тоже есть, чему учить Творца,
совместно с ним преображая Землю.
Не это ль замысел начала и конца?
О нем ли мы услышать зов поэтов медлим?

Они глубокий оставляют след,
но их не восполняется потеря.
И если, как сейчас — и вот уж много лет —
рука людская не распахивает двери,

тропы народной зарастут следы
к Кастальскому ключу живой воды.

XV

К кастальскому ключу живой воды
народная тропа всегда открыта.
Они нас терпеливо ждут, им нет беды,
что общая вина пред ними не избыта.

К любому без стеснения заходи,
когда внезапно потревожит рана.
Вдвоём с Мариной в Прагердилле посиди.
Иосифа спроси иль Осипа, иль Анну...

И всех, кого мираж не привлекает,
кто сам с готовым не спешит ответом,
служительница Мельпомены опекает,
чьё имя мною вплетено в венок сонетов.

И к небесам от смиренного житья,
атманом устремится суть твоя.

XVI

Атманом устремится суть твоя
туда, где зреют знания о мире,
где истина, что дважды два — всегда четыре,
живет без чисел, глаз, чернил и одеял.

Там бездна полыхает наслажденьем.
Ведь, если плоть земного бытия
есть только охлаждение и отверденье,
вообрази-ка жар исходного литья!

Неведомая там витает речь.
И, чтобы нас покинувших услышать,
нет лучше средства, чем помочь поэту выжить,
который говорит в преддверьи наших встреч:

«Как это делать, каждый знает вроде.
Я знаю также, как это выходит».

XVII

Я знаю также, как это выходит:
выходит боком и выходит вон
тому и тот, кто, низшей уступив природе,
предпочитает шум, чтобы не слышать стон.

Последний смысл пылающей строки
неведом, но бессилью вопреки,
нащупываю путь из мрачной пустоты.
Кто может знать — а вдруг когда-нибудь и ты

утратишь правый путь во тьме долины,
и очутишься в сумрачном лесу.
И всей беды венки сонетов не излечит,
но, может быть, тебе на время станет легче.

Где и когда беда тебя застанет?
В полдневный жар.
В долине Дагестана...

Жизнь кончилась. А я ещё не умер.
Агатов мелких бог и чёрных дыр
Нам перекрыл зенит, убрал надир.
Несет арбу в окрестностях Арзрума.
Азалии по-прежнему цветут.

Вулкан гремит, но нам не слышен гром.
Ложится в снег волшебное перо —
Алтарь берет и смотрит в пустоту.
Должно быть, время вспомнить про суму.
И плакать без причин не стоит, право.
Мрак день за днём удваивает тьму,
И нам легко — мы понимаем плавать.
Распахивает дверь всегда один,
С листа читает ноты бытия.
К Кастальскому ключу живой воды
Атманом устремится суть твоя.
Я знаю также. как это выходит.

Примечания

¹ Строка из стихотворения И. Бродского «Перед памятником Пушкину в Одессе»

² А. И Б Стругацкие, «Волны гасят ветер»

³ Джон Лезли, канадский философ, автор аксиархизма, метафизической концепции, согласно которой Вселенная может быть продуктом абстрактной этической необходимости добра. (Греческий: axis – ценность, arche – власть).

⁴ Николай Бердяев

⁵ Здесь приведены некоторые фрагменты из семинаров Экхарта Толле.

⁶ Апокалипсис. Часть Нового Завета, написанная апостолом Иоанном на острове Патмос.

⁷ Здесь и далее в XIII главе отчасти использованы идеи, представленные в некоторых лекциях Мераба Мамардашвили.

⁷ Нильс Бор

⁹ Св. Иоанн Креста. Хуán де Йéпес А́льварес. Испанский христианский мистик, католический святой, поэт, писатель.

¹⁰ Книга Иова

¹¹ Стефан Цвейг

¹² И. Бродский. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»

¹³ Гилберт Кит Честертон